

Евгений Шварц

Дракон

Сказка в трех действиях

Действующие лица

Дракон.
Ланцелот.
Шарлемань – архивариус.
Эльза – его дочь.
Бургомистр.
Генрих – его сын.
Кот.
Осел.
1-й ткач.
2-й ткач.
Шапочных дел мастер.
Музыкальных дел мастер.
Кузнец.
1-я подруга Эльзы.
2-я подруга Эльзы.
3-я подруга Эльзы.
Часовой.
Садовник.
1-й горожанин.
2-й горожанин.
1-я горожанка.
2-я горожанка.
Мальчик.
Разносчик.
Тюремщик.
Лакеи, стража, горожане.

Действие первое

*Просторная уютная кухня, очень чистая, с большим очагом в глубине. Пол каменный, блестит. Перед очагом на кресле дремлет **кот**.*

Ланцелот (*входит, оглядывается, зовет*). Господин хозяин! Госпожа хозяйка! Живая душа, откликнись! Никого... Дом пуст, ворота открыты, двери отперты, окна настежь. Как хорошо, что я честный человек, а то пришлось бы мне сейчас дрожать, оглядываться, выбирать, что подороже, и удирать во всю мочь, когда

так хочется отдохнуть. *(Садится.)* Подождем. Господин кот! Скоро вернутся ваши хозяева? А? Вы молчите?

Кот. Молчу.

Ланцелот. А почему, позвольте узнать?

Кот. Когда тебе тепло и мягко, мудрее дремать и помалкивать, мой милейший.

Ланцелот. Ну а где же все-таки твои хозяева?

Кот. Они ушли, и это крайне приятно.

Ланцелот. Ты их не любишь?

Кот. Люблю каждым волоском моего меха, и лапами, и усами, но им грозит огромное горе. Я отдыхаю душой, только когда они уходят со двора.

Ланцелот. Вот оно что. Так им грозит беда? А какая? Ты молчишь?

Кот. Молчу.

Ланцелот. Почему?

Кот. Когда тебе тепло и мягко, мудрее дремать и помалкивать, чем копаться в неприятном будущем. Мяу!

Ланцелот. Кот, ты меня пугаешь. В кухне так уютно, так заботливо разведен огонь в очаге. Я просто не хочу верить, что этому милому, просторному дому грозит беда. Кот! Что здесь случилось? Отвечай же мне! Ну же!

Кот. Дайте мне забыться, прохожий.

Ланцелот. Слушай, кот, ты меня не знаешь. Я человек до того легкий, что меня как пушинку носит по всему свету. И я очень легко вмешиваюсь в чужие дела. Я был из-за этого девятнадцать раз ранен легко, пять раз тяжело и три раза смертельно. Но я жив до сих пор, потому что я не только легок как пушинка, а

еще и упрям как осел. Говори же, кот, что тут случилось. А вдруг я спасу твоих хозяев? Со мною это бывало. Ну? Да ну же! Как тебя зовут?

Кот. Машенька.

Ланцелот. Я думал – ты кот.

Кот. Да, я кот, но люди иногда так невнимательны. Хозяева мои до сих пор удивляются, что я еще ни разу не окотился. Говорят: что же это ты, Машенька? Милые люди, бедные люди! И больше я не скажу ни слова.

Ланцелот. Скажи мне хоть – кто они, твои хозяева?

Кот. Господин архивариус Шарлемань и единственная его дочь, у которой такие мягкие лапки, славная, милая, тихая Эльза.

Ланцелот. Кому же из них грозит беда?

Кот. Ах, ей и, следовательно, всем нам!

Ланцелот. А что ей грозит? Ну же!

Кот. Мяу! Вот уж скоро четыреста лет, как над нашим городом поселился дракон.

Ланцелот. Дракон? Прелестно!

Кот. Он наложил на наш город дань. Каждый год дракон выбирает себе девушку. И мы, не мяукнув, отдаем ее дракону. И он уводит ее к себе в пещеру. И мы больше никогда не видим ее. Говорят, что они умирают там от омерзения. Фрр! Пшел, пшел вон! Ф-ф-ф!

Ланцелот. Кому это ты?

Кот. Дракону. Он выбрал нашу Эльзу! Проклятая ящерица! Ф-ффф!

Ланцелот. Сколько у него голов?

Кот. Три.

Ланцелот. Порядочно. А лап?

Кот. Четыре.

Ланцелот. Ну, это терпимо. С когтями?

Кот. Да. Пять когтей на каждой лапе. Каждый коготь с олений рог.

Ланцелот. Серьезно? И острые у него когти?

Кот. Как ножи.

Ланцелот. Так. Ну а пламя выдыхает?

Кот. Да.

Ланцелот. Настоящее?

Кот. Леса горят.

Ланцелот. Ага. В чешуе он?

Кот. В чешуе.

Ланцелот. И небось, крепкая чешуя-то?

Кот. Основательная.

Ланцелот. Ну а все-таки?

Кот. Алмаз не берет.

Ланцелот. Так. Представляю себе. Рост?

Кот. С церковь.

Ланцелот. Ага, все ясно. Ну, спасибо, кот.

Кот. Вы будете драться с ним?

Ланцелот. Посмотрим.

Кот. Умоляю вас – вызовите его на бой. Он, конечно, убьет вас, но пока суд да дело, можно будет помечтать, развалившись перед очагом, о том, случайно или чудом, так или сяк, не тем, так этим, может быть, как-нибудь, а вдруг и вы его убьете.

Ланцелот. Спасибо, кот.

Кот. Встаньте.

Ланцелот. Что случилось?

Кот. Они идут.

Ланцелот. Хоть бы она мне понравилась, ах, если бы она мне понравилась! Это так помогает... *(Смотрит в окно.)* Нравится! Кот, она очень славная девушка. Что это? Кот! Она улыбается! Она совершенно спокойна! И отец ее весело улыбается. Ты обманул меня?

Кот. Нет. Самое печальное в этой истории и есть то, что они улыбаются. Тише. Здравствуйте! Давайте ужинать, дорогие мои друзья.

Входят Эльза и Шарлемань.

Ланцелот. Здравствуйте, добрый господин и прекрасная барышня.

Шарлемань. Здравствуйте, молодой человек.

Ланцелот. Ваш дом смотрел на меня так приветливо, и ворота были открыты, и в кухне горел огонь, и я вошел без приглашения. Простите.

Шарлемань. Не надо просить прощения. Наши двери открыты для всех.

Эльза. Садитесь, пожалуйста. Дайте мне вашу шляпу, я повешу ее за дверь. Сейчас я накрою на стол... Что с вами?

Ланцелот. Ничего.

Эльза. Мне показалось, что вы... испугались меня.

Ланцелот. Нет, нет... Это я просто так.

Шарлемань. Садитесь, друг мой. Я люблю странников. Это оттого, вероятно, что я всю жизнь прожил, не выезжая из города. Откуда вы пришли?

Ланцелот. С юга.

Шарлемань. И много приключений было у вас на пути?

Ланцелот. Ах, больше, чем мне хотелось бы.

Эльза. Вы устали, наверное. Садитесь же. Что же вы стоите?

Ланцелот. Спасибо.

Шарлемань. У нас вы можете хорошо отдохнуть. У нас очень тихий город. Здесь никогда и ничего не случается.

Ланцелот. Никогда?

Шарлемань. Никогда. На прошлой неделе, правда, был очень сильный ветер. У одного дома едва не снесло крышу. Но это не такое уж большое событие.

Эльза. Вот и ужин на столе. Пожалуйста. Что же вы?

Ланцелот. Простите меня, но... Вы говорите, что у вас очень тихий город?

Эльза. Конечно.

Ланцелот. А... а дракон?

Шарлемань. Ах это... Но ведь мы так привыкли к нему. Он уже четыреста лет живет у нас.

Ланцелот. Но... мне говорили, что дочь ваша...

Эльза. Господин прохожий...

Ланцелот. Меня зовут Ланцелот.

Эльза. Господин Ланцелот, простите, я вовсе не делаю вам замечания, но все-таки прошу вас: ни слова об этом.

Ланцелот. Почему?

Эльза. Потому что тут уж ничего не поделаешь.

Ланцелот. Вот как?

Шарлемань. Да, уж тут ничего не сделать. Мы сейчас гуляли в лесу и обо всем так хорошо, так подробно переговаривали. Завтра, как только дракон уведет ее, я тоже умру.

Эльза. Папа, не надо об этом.

Шарлемань. Вот и все, вот и все.

Ланцелот. Простите, еще только один вопрос. Неужели никто не пробовал драться с ним?

Шарлемань. Последние двести лет – нет. До этого с ним часто сражались, но он убивал всех своих противников. Он удивительный стратег и великий тактик. Он атакует врага внезапно, забрасывает камнями сверху, потом устремляется отвесно вниз, прямо на голову коня, и бьет его огнем, чем совершенно деморализует бедное животное. А потом он разрывает когтями всадника. Ну, и в конце концов против него перестали выступать...

Ланцелот. А целым городом против него не выступали?

Шарлемань. Выступали.

Ланцелот. Ну и что?

Шарлемань. Он сжег предместья и половину жителей свел с ума ядовитым дымом. Это великий воин.

Эльза. Возьмите еще масла, прошу вас.

Ланцелот. Да, да, я возьму. Мне нужно набраться сил. Итак – простите, что я все расспрашиваю, – против дракона никто и не пробует выступить? Он совершенно обнаглел?

Шарлемань. Нет, что вы! Он так добр!

Ланцелот. Добр?

Шарлемань. Уверяю вас. Когда нашему городу грозила холера, он по просьбе городского врачадохнул своим огнем на озеро и вскипятил его. Весь город пил кипяченую воду и был спасен от эпидемии.

Ланцелот. Давно это было?

Шарлемань. О нет. Всего восемьдесят два года назад. Но добрые дела не забываются.

Ланцелот. А что он еще сделал доброго?

Шарлемань. Он избавил нас от цыган.

Ланцелот. Но цыгане – очень милые люди.

Шарлемань. Что вы! Какой ужас! Я, правда, в жизни своей не видал ни одного цыгана. Но я еще в школе проходил, что эти люди страшные.

Ланцелот. Но почему?

Шарлемань. Это бродяги по природе, по крови. Они враги любой государственной системы, иначе они обосновались бы где-нибудь, а не бродили бы туда-сюда. Их песни лишены мужественности, а идеи разрушительны. Они воруют детей. Они проникают всюду. Теперь мы вовсе очистились от них, но еще сто лет назад любой брюнет обязан был доказать, что в нем нет цыганской крови.

Ланцелот. Кто вам рассказал все это о цыганах?

Шарлемань. Наш дракон. Цыгане нагло выступали против него в первые годы его власти.

Ланцелот. Славные, нетерпеливые люди.

Шарлемань. Не надо, пожалуйста, не надо так говорить.

Ланцелот. Что он ест, ваш дракон?

Шарлемань. Город наш дает ему тысячу коров, две тысячи овец, пять тысяч кур и два пуда соли в месяц. Летом и осенью сюда еще добавляется десять огородов салата, спаржи и цветной капусты.

Ланцелот. Он объедает вас!

Шарлемань. Нет, что вы! Мы не жалуемся. А как же можно иначе? Пока он здесь – ни один другой дракон не осмелится нас тронуть.

Ланцелот. Да другие-то, по-моему, все давно перебиты!

Шарлемань. А вдруг нет? Уверяю вас, единственный способ избавиться от драконов – это иметь своего собственного. Довольно о нем, прошу вас. Лучше вы расскажите нам что-нибудь интересное.

Ланцелот. Хорошо. Вы знаете, что такое жалобная книга?

Эльза. Нет.

Ланцелот. Так знайте же. В пяти годах ходьбы отсюда, в Черных горах, есть огромная пещера. И в пещере этой лежит книга, исписанная до половины. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежде, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Горы, травы, камни, деревья, реки видят, что делают люди. Им известны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно. От ветки к ветке, от капли к капле, от облака к облаку доходят до пещеры в Черных горах человеческие жалобы, и книга растет. Если бы на свете не было этой книги, то деревья засохли бы от тоски, а вода стала бы горькой. Для кого пишется эта книга? Для меня.

Эльза. Для вас?

Ланцелот. Для нас. Для меня и немногих других. Мы внимательные, легкие люди. Мы проведали, что есть такая книга, и не поленились добраться до нее. А заглянувший в эту книгу однажды не успокоится вовеки. Ах, какая это жалобная книга! На эти жалобы нельзя не ответить. И мы отвечаем.

Эльза. А как?

Ланцелот. Мы вмешиваемся в чужие дела. Мы помогаем тем, кому необходимо помочь. И уничтожаем тех, кого необходимо уничтожить. Помочь вам?

Эльза. Как?

Шарлемань. Чем вы можете нам помочь?

Кот. Мяу!

Ланцелот. Три раза я был ранен смертельно, и как раз теми, кого насильно спасал. И все-таки, хоть вы меня и не просите об этом, я вызову на бой дракона! Слышите, Эльза!

Эльза. Нет, нет! Он убьет вас, и это отравит последние часы моей жизни.

Кот. Мяу!

Ланцелот. Я вызову на бой дракона!

Раздается все нарастающий свист, шум, вой, рев. Стекла дрожат. Зарево вспыхивает за окнами.

Кот. Легок на помине!

Вой и свист внезапно обрываются. Громкий стук в дверь.

Шарлемань. Войдите!

Входит богато одетый лакей.

Лакей. К вам господин дракон.

Шарлемань. Милости просим!

Лакей широко распахивает дверь. Пауза. И вот не спеша в комнату входит пожилой, но крепкий, моложавый, белобрысый человек, с солдатской выправкой. Волосы ежиком. Он широко улыбается. Вообще обращение его, несмотря на грубоватость, не лишено некоторой приятности. Он глуховат.

Человек. Здорово, ребята! Эльза, здравствуй, крошка! А у вас гость. Кто это?

Шарлемань. Это странник, прохожий.

Человек. Как? Рапортуй громко, отчетливо, по-солдатски.

Шарлемань. Это странник!

Человек. Не цыган?

Шарлемань. Что вы! Это очень милый человек.

Человек. А?

Шарлемань. Милый человек.

Человек. Хорошо. Странник! Что ты не смотришь на меня? Чего ты уставился на дверь?

Ланцелот. Я жду, когда войдет дракон.

Человек. Ха-ха! Я – дракон.

Ланцелот. Вы? А мне говорили, что у вас три головы, когти, огромный рост!

Дракон. Я сегодня попросту, без чинов.

Шарлемань. Господин дракон так давно живет среди людей, что иногда сам превращается в человека и заходит к нам в гости по-дружески.

Дракон. Да. Мы воистину друзья, дорогой Шарлемань. Каждому из вас я даже более чем просто друг. Я друг вашего детства. Мало того, я друг детства вашего отца, деда, прадеда. Я помню вашего прапрадеда в коротеньких штанишках. Черт! Непрошенная слеза. Ха-ха! Приезжий таращит глаза. Ты не ожидал от меня таких чувств? Ну? Отвечай! Растерялся, сукин сын. Ну, ну. Ничего. Ха-ха. Эльза!

Эльза. Да, господин дракон.

Дракон. Дай лапку.

Эльза протягивает руку Дракону.

Плутовка. Шалунья. Какая теплая лапка. Мордочку выше! Улыбайся. Так. Ты чего, прохожий? А?

Ланцелот. Любуюсь.

Дракон. Молодец. Четко отвечаешь. Любуйся. У нас попросту, приезжий. По-солдатски. Раз, два, горе не беда! Ешь!

Ланцелот. Спасибо, я сыт.

Дракон. Ничего, ешь. Зачем приехал?

Ланцелот. По делам.

Дракон. А?

Ланцелот. По делам.

Дракон. А по каким? Ну, говори. А? Может, я и помогу тебе. Зачем ты приехал сюда?

Ланцелот. Чтобы убить тебя.

Дракон. Громче!

Эльза. Нет, нет! Он шутит! Хотите, я еще раз дам вам руку, господин дракон?

Дракон. Чего?

Ланцелот. Я вызываю тебя на бой, слышишь ты, дракон!

Дракон молчит, побагровев.

Я вызываю тебя на бой в третий раз, слышишь?

Раздается оглушительный, страшный, тройной рев. Несмотря на мощь этого рева, от которого стены дрожат, он не лишен некоторой музыкальности.

Ничего человеческого в этом реве нет. Это ревет Дракон, сжав кулаки и топая ногами.

Дракон *(внезапно оборвав рев. Спокойно.)* Дурак. Ну? Чего молчишь? Страшно?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Нет?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Ну хорошо же. *(Делает легкое движение плечами и вдруг поразительно меняется. Новая голова появляется у Дракона на плечах. Старая исчезает бесследно. Серьезный, сдержанный, высоколобый, узколицый, седеющий блондин стоит перед Ланцелотом.)*

Кот. Не удивляйтесь, дорогой Ланцелот. У него три башки. Он их и меняет, когда пожелает.

Дракон *(голос его изменился так же, как лицо. Негромко. Суховато).* Ваше имя Ланцелот?

Ланцелот. Да.

Дракон. Вы потомок известного странствующего рыцаря Ланцелота?

Ланцелот. Это мой дальний родственник.

Дракон. Принимаю ваш вызов. Странствующие рыцари – те же цыгане. Вас нужно уничтожить.

Ланцелот. Я не дамся.

Дракон. Я уничтожил: восемьсот девять рыцарей, девятьсот пять людей неизвестного звания, одного пьяного старика, двух сумасшедших, двух женщин – мать и тетку девушек, избранных мной, и одного мальчика двенадцати лет – брата такой же девушки. Кроме того, мною было уничтожено шесть армий и пять мятежных толп. Садитесь, пожалуйста.

Ланцелот *(садится.)* Благодарю вас.

Дракон. Вы курите? Курите, не стесняйтесь.

Ланцелот. Спасибо. *(Достает трубку, набивает не спеша табаком.)*

Дракон. Вы знаете, в какой день я появился на свет?

Ланцелот. В несчастный.

Дракон. В день страшной битвы. В тот день сам Атила потерпел поражение – вам понятно, сколько воинов надо было уложить для этого? Земля пропиталась кровью. Листья на деревьях к полуночи стали коричневыми. К рассвету огромные черные грибы – они называются гробовики – выросли под деревьями. А вслед за ними из-под земли выполз я. Я – сын войны. Война – это я. Кровь мертвых гуннов течет в моих жилах – это холодная кровь. В бою я холоден, спокоен и точен.

При слове «точен» Дракон делает легкое движение рукой. Раздается сухое щелканье. Из указательного пальца Дракона лентой вылетает пламя. Зажигает табак в трубке, которую к этому времени набил Ланцелот.

Ланцелот. Благодарю вас. *(Затягивается с наслаждением.)*

Дракон. Вы против меня, – следовательно, вы против войны?

Ланцелот. Что вы! Я воюю всю жизнь.

Дракон. Вы чужой здесь, а мы издревле научились понимать друг друга. Весь город будет смотреть на вас с ужасом и обрадуется вашей смерти. Вам предстоит бесславная гибель. Понимаете?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Я вижу, что вы решительны по-прежнему?

Ланцелот. Даже больше.

Дракон. Вы – достойный противник.

Ланцелот. Благодарю вас.

Дракон. Я буду воевать с вами всерьез.

Ланцелот. Отлично.

Дракон. Это значит, что я убью вас немедленно. Сейчас. Здесь.

Ланцелот. Но я безоружен!

Дракон. А вы хотите, чтобы я дал вам время вооружиться? Нет. Я ведь сказал, что буду воевать с вами всерьез. Я нападу на вас внезапно, сейчас... Эльза, принесите метелку!

Эльза. Зачем?

Дракон. Я сейчас испепелю этого человека, а вы выметете его пепел.

Ланцелот. Вы боитесь меня?

Дракон. Я не знаю, что такое страх.

Ланцелот. Почему же тогда вы так спешите? Дайте мне сроку до завтра. Я найду себе оружие, и мы встретимся на поле.

Дракон. А зачем?

Ланцелот. Чтобы народ не подумал, что вы трусите.

Дракон. Народ ничего не узнает. Эти двое будут молчать. Вы умрете сейчас храбро, тихо и бесславно. *(Поднимает руку.)*

Шарлемань. Стойте!

Дракон. Что такое?

Шарлемань. Вы не можете убить его.

Дракон. Что?

Шарлемань. Умоляю вас – не гневайтесь, я предан вам всей душой. Но ведь я архивариус.

Дракон. При чем здесь ваша должность?

Шарлемань. У меня хранится документ, подписанный вами триста восемьдесят два года назад. Этот документ не отменен. Видите, я не возражаю, а только напоминаю. Там стоит подпись: «Дракон».

Дракон. Ну и что?

Шарлемань. Это моя дочка, в конце концов. Я ведь желаю, чтобы она жила подольше. Это вполне естественно.

Дракон. Короче.

Шарлемань. Будь что будет – я возражаю. Убить его вы не можете. Всякий вызвавший вас – в безопасности до дня боя, пишете вы и подтверждаете это клятвой. И день боя назначаете не вы, а он, вызвавший вас, – так сказано в документе и подтверждено клятвой. А весь город должен помогать тому, кто вызовет вас, и никто не будет наказан – это тоже подтверждается клятвой.

Дракон. Когда был написан этот документ?

Шарлемань. Триста восемьдесят два года назад.

Дракон. Я был тогда наивным, сентиментальным, неопытным мальчишкой.

Шарлемань. Но документ не отменен.

Дракон. Мало ли что...

Шарлемань. Но документ...

Дракон. Довольно о документах. Мы взрослые люди.

Шарлемань. Но ведь вы сами подписали... Я могу сбегать за документом.

Дракон. Ни с места.

Шарлемань. Нашелся человек, который пробует спасти мою девочку. Любовь к ребенку – ведь это же ничего. Это можно. А кроме того, гостеприимство – это

ведь тоже вполне можно. Зачем вы смотрите на меня так страшно? (*Закрывает лицо руками.*)

Эльза. Папа! Папа!

Шарлемань. Я протестую!

Дракон. Ладно. Сейчас я уничтожу все гнездо.

Ланцелот. И весь мир узнает, что вы трус!

Дракон. Откуда?

Кот одним прыжком вылетает в окно. Шипит издали.

Кот. Всем, всем, все, все расскажу, старый ящер.

Дракон снова раздражается ревом, рев этот так же мощен, но на этот раз в нем явственно слышны хрипы, стоны, отрывистый кашель. Это ревет огромное древнее злобное чудовище.

Дракон (*внезапно оборвав вой*). Ладно. Будем драться завтра, как вы просили. Быстро уходит. И сейчас же за дверью поднимается свист, гул, шум. Стены дрожат, мигает лампа, свист, гул и шум затихают, удаляясь.

Шарлемань. Улетел! Что же я наделал! Ах, что я наделал! Я старый проклятый себялюбек. Но ведь я не мог иначе! Эльза, ты сердишься на меня?

Эльза. Нет, что ты!

Шарлемань. Я вдруг ужасно ослабел. Простите меня. Я лягу. Нет, нет, не провожай меня. Оставайся с гостем. Занимай его разговорами, – ведь он был так любезен с нами. Простите, я пойду прилягу. (*Уходит.*)

Пауза.

Эльза. Зачем вы затеяли все это? Я не упрекаю вас – но все было так ясно и достойно. Вовсе не так страшно умереть молодой. Все состарятся, а ты нет.

Ланцелот. Что вы говорите! Подумайте! Деревья и те вздыхают, когда их рубят.

Эльза. А я не жалуюсь.

Ланцелот. И вам не жалко отца?

Эльза. Но ведь он умрет как раз тогда, когда ему хочется умереть. Это, в сущности, счастье.

Ланцелот. И вам не жалко расставаться с вашими друзьями?

Эльза. Нет, ведь если бы не я, дракон выбрал бы кого-нибудь из них.

Ланцелот. А жених ваш?

Эльза. Откуда вы знаете, что у меня был жених?

Ланцелот. Я почувствовал это. А с женихом вам не жалко расставаться?

Эльза. Но ведь дракон, чтобы утешить Генриха, назначил его своим личным секретарем.

Ланцелот. Ах вот оно что. Ну, тогда, конечно, с ним не так уж жалко расставаться. Ну а ваш родной город? Вам не жалко его оставить?

Эльза. Но ведь как раз за свой родной город я и погибаю.

Ланцелот. И он равнодушно принимает вашу жертву?

Эльза. Нет, нет! Меня не станет в воскресенье, а до самого вторника весь город погрузится в траур. Целых три дня никто не будет есть мяса. К чаю будут подаваться особые булочки под названием «бедная девушка» – в память обо мне.

Ланцелот. И это все?

Эльза. А что еще можно сделать?

Ланцелот. Убить дракона.

Эльза. Это невозможно.

Ланцелот. Дракон вывихнул вашу душу, отравил кровь и затуманил зрение. Но мы все это исправим.

Эльза. Не надо. Если верно то, что вы говорите обо мне, значит, мне лучше умереть.

Вбегает Кот.

Кот. Восемь моих знакомых кошек и сорок восемь моих котят обежали все дома и рассказали о предстоящей драке. Мяу! Бургомистр бежит сюда!

Ланцелот. Бургомистр? Прелестно!

Вбегает бургомистр.

Бургомистр. Здравствуй, Эльза. Где прохожий?

Ланцелот. Вот я.

Бургомистр. Прежде всего, будьте добры, говорите потише, по возможности без жестов, двигайтесь мягко и не смотрите мне в глаза.

Ланцелот. Почему?

Бургомистр. Потому что нервы у меня в ужасном состоянии. Я болен всеми нервными и психическими болезнями, какие есть на свете, и, сверх того, еще тремя, неизвестными до сих пор. Думаете, легко быть бургомистром при драконе?

Ланцелот. Вот я убью дракона, и вам станет легче.

Бургомистр. Легче? Ха-ха! Легче! Ха-ха! Легче! *(Впадает в истерическое состояние. Пьет воду. Успокаивается.)* То, что вы осмелились вызвать господина дракона, – несчастье. Дела были в порядке. Господин дракон своим влиянием держал в руках моего помощника, редкого негодяя, и всю его банду,

состоящую из купцов-мукомолов. Теперь все перепутается. Господин дракон будет готовиться к бою и забросит дела городского управления, в которые он только что начал вникать.

Ланцелот. Да поймите же вы, несчастный человек, что я спасу город!

Бургомистр. Город? Ха-ха! Город! Город! Ха-ха! *(Пьет воду, успокаивается.)* Мой помощник такой негодяй, что я пожертвую двумя городами, только бы уничтожить его. Лучше пять драконов, чем такая гадина, как мой помощник. Умоляю вас, уезжайте.

Ланцелот. Не уеду.

Бургомистр. Поздравляю вас, у меня припадок каталепсии. *(Застывает с горькой улыбкой на лице.)*

Ланцелот. Ведь я спасу всех! Поймите!

Бургомистр молчит.

Не понимаете?

Бургомистр молчит. Ланцелот обрызгивает его водой.

Бургомистр. Нет, я не понимаю вас. Кто вас просит драться с ним?

Ланцелот. Весь город этого хочет.

Бургомистр. Да? Посмотрите в окно. Лучшие люди города прибежали просить вас, чтобы вы убирались прочь!

Ланцелот. Где они?

Бургомистр. Вон, жмутся у стен. Подойдите ближе, друзья мои.

Ланцелот. Почему они идут на цыпочках?

Бургомистр. Чтобы не действовать мне на нервы. Друзья мои, скажите Ланцелоту, чего вы от него хотите. Ну! Раз! Два! Три!

Хор голосов. Уезжайте прочь от нас! Скорее! Сегодня же!

Ланцелот отходит от окна.

Бургомистр. Видите! Если вы гуманный и культурный человек, то подчинитесь воле народа.

Ланцелот. Ни за что!

Бургомистр. Поздравляю вас, у меня легкое помешательство. *(Упирает одну руку в бок, другую изгибает изящно.)* Я чайник, заварите меня!

Ланцелот. Я понимаю, почему эти людишки прибежали сюда на цыпочках.

Бургомистр. Ну, почему же это?

Ланцелот. Чтобы не разбудить настоящих людей. Вот я сейчас поговорю с ними. *(Выбегает.)*

Бургомистр. Вскипятите меня! Впрочем, что он может сделать? Дракон прикажет – и мы его засадим в тюрьму. Дорогая Эльза, не волнуйся. Секунда в секунду в назначенный срок наш дорогой дракон заключит тебя в свои объятия. Будь покойна.

Эльза. Хорошо.

Стук в дверь.

Войдите.

Входит тот самый лакей, который объявлял о приходе Дракона.

Бургомистр. Здравствуй, сынок.

Лакей. Здравствуй, отец.

Бургомистр. Ты от него? Никакого боя не будет, конечно? Ты принес приказ заточить Ланцелота в тюрьму?

Лакей. Господин дракон приказывает: первое – назначить бой на завтра, второе – Ланцелота снабдить оружием, третье – быть поумнее.

Бургомистр. Поздравляю вас, у меня зашел

ум за разум. Ум! Ау! Отзовись! Выйди!

Лакей. Мне приказано переговорить с Эльзой наедине.

Бургомистр. Ухожу, ухожу, ухожу! *(Торопливо удаляется.)*

Лакей. Здравствуй, Эльза.

Эльза. Здравствуй, Генрих.

Генрих. Ты надеешься, что Ланцелот спасет тебя?

Эльза. Нет. А ты?

Генрих. И я нет.

Эльза. Что дракон велел передать мне?

Генрих. Он велел передать, чтобы ты убила Ланцелота, если это понадобится.

Эльза *(в ужасе)*. Как?

Генрих. Ножом. Вот он, этот ножик. Он отравленный...

Эльза. Я не хочу!

Генрих. А господин дракон на это велел сказать, что иначе он перебьет всех твоих подруг.

Эльза. Хорошо. Скажи, что я постараюсь.

Генрих. А господин дракон на это велел сказать: всякое колебание будет наказано как ослушание.

Эльза. Я ненавижу тебя!

Генрих. А господин дракон на это велел сказать, что умеет награждать верных слуг.

Эльза. Ланцелот убьет твоего дракона!

Генрих. А господин дракон на это велел сказать: посмотрим!

Действие второе

*Центральная площадь города. Направо – ратуша с башенкой, на которой стоит часовой. Прямо – огромное мрачное коричневое здание без окон, с гигантской чугунной дверью во всю стену, от фундамента до крыши. На двери надпись готическими буквами: «Людам вход безусловно запрещен». Налево – широкая старинная крепостная стена. В центре площади – колодец с резными перилами и навесом. **Генрих**, без ливреи, в фартуке, чистит медные украшения на чугунной двери.*

Генрих (*напевает*). Посмотрим, посмотрим, провозгласил дракон. Посмотрим, посмотрим, взревел старик дра-дра. Старик дракоша прогремел: посмотрим, черт возьми! И мы действительно посмо! Посмотрим, тру-ля-ля!

Из ратуши выбегает Бургомистр. На нем смирительная рубашка.

Бургомистр. Здравствуй, сынок. Ты посылал за мной?

Генрих. Здравствуй, отец. Я хотел узнать, как там у вас идут дела. Заседание городского самоуправления закрылось?

Бургомистр. Какое там! За целую ночь мы едва успели утвердить повестку дня.

Генрих. Умаялся?

Бургомистр. А ты как думаешь? За последние полчаса мне переменили

три смирительные рубашки. (*Зекает.*) Не знаю, к дождю, что ли, но только сегодня ужасно разыгралась моя проклятая шизофрения. Так и брежу, так и брежу... Галлюцинации, навязчивые идеи, то-се. (*Зекает.*) Табак есть?

Генрих. Есть.

Бургомистр. Развяжи меня. Перекурим.

Генрих развязывает отца. Усаживаются рядом на ступеньках дворца. Закуривают.

Генрих. Когда же вы решите вопрос об оружии?

Бургомистр. О каком оружии?

Генрих. Для Ланцелота.

Бургомистр. Для какого Ланцелота?

Генрих. Ты что, с ума сошел?

Бургомистр. Конечно. Хорош сын. Совершенно забыл, как тяжело болен его бедняга отец. (*Кричит.*) О люди, люди, возлюбите друг друга! (*Спокойно.*) Видишь, какой бред.

Генрих. Ничего, ничего, папа. Это пройдет.

Бургомистр. Я сам знаю, что пройдет, а все-таки неприятно.

Генрих. Ты послушай меня. Есть важные новости. Старик дракоша нервничает.

Бургомистр. Неправда!

Генрих. Уверяю тебя. Всю ночь, не жалея крылышек, наш старикан порхал неведомо где. Заявился домой только на рассвете. От него ужасно несло рыбой, что с ним случается всегда, когда он озабочен. Понимаешь?

Бургомистр. Так, так.

Генрих. И мне удалось установить следующее. Наш добрый ящер порхал всю ночь исключительно для того, чтобы разузнать всю подноготную о славном господине Ланцелоте.

Бургомистр. Ну, ну?

Генрих. Не знаю, в каких притонах – на Гималаях или на горе Арарат, в Шотландии или на Кавказе, – но только старичок разведаль, что Ланцелот – профессиональный герой. Презираю людишек этой породы. Но дра-дра, как профессиональный злодей, очевидно, придает им кое-какое значение. Он ругался, скрипел, ныл. Потом дедушке захотелось пивца. Вылакав целую бочку любимого своего напитка и не отдав никаких приказаний, дракон вновь расправил свои перепонки и вот до сей поры шныряет в небесах, как пичужка. Тебя это не тревожит?

Бургомистр. Ни капельки.

Генрих. Папочка, скажи мне – ты старше меня... опытней... Скажи, что ты думаешь о предстоящем бое? Пожалуйста, ответь. Неужели Ланцелот может... Только отвечай попросту, без казенных восторгов, – неужели Ланцелот может победить? А? Папочка? Ответь мне!

Бургомистр. Пожалуйста, сынок, я отвечу тебе попросту, от души. Я так, понимаешь, малыш, искренне привязан к нашему дракоше! Вот честное слово даю. Сроднился я с ним, что ли? Мне, понимаешь, даже, ну как тебе сказать, хочется отдать за него жизнь. Ей-богу правда, вот провалиться мне на этом месте! Нет, нет, нет! Он, голубчик, победит! Он победит, чудушко-юдушко! Душечка-цыпочка! Летун-хлопотун! Ох, люблю я его как! Ой, люблю! Люблю – и крышка. Вот тебе и весь ответ.

Генрих. Не хочешь ты, папочка, попросту, по душам поговорить с единственным своим сыном!

Бургомистр. Не хочу, сынок. Я еще не сошел с ума. То есть я, конечно, сошел с ума, но не до такой степени. Это дракон приказал тебе допросить меня?

Генрих. Ну что ты, папа!

Бургомистр. Молодец, сынок! Очень хорошо провел весь разговор. Горжусь тобой. Не потому, что я отец, клянусь тебе. Я горжусь тобою как знаток, как старый служака. Ты запомнил, что я ответил тебе?

Генрих. Разумеется.

Бургомистр. А эти слова: чудушко-юдушко, душечка-цыпочка, летун-хлопотун?

Генрих. Все запомнил.

Бургомистр. Ну вот так и доложи!

Генрих. Хорошо, папа.

Бургомистр. Ах ты мой единственный, ах ты мой шпиончик... Карьерочку делает, крошка. Денег не надо?

Генрих. Нет, пока не нужно, спасибо, папочка.

Бургомистр. Бери, не стесняйся. Я при деньгах. У меня как раз вчера был припадок kleptomании. Бери...

Генрих. Спасибо, не надо. Ну а теперь скажи мне правду..

Бургомистр. Ну что ты, сыночек, как маленький, – правду, правду... Я ведь не обыватель какой-нибудь, а бургомистр. Я сам себе не говорю правды уже столько лет, что и забыл, какая она, правда-то. Меня от нее воротит,

отшвыривает. Правда – она знаешь чем пахнет, проклятая? Довольно, сын. Слава дракону! Слава дракону! Слава дракону!

Часовой на башне ударяет алебардой об пол. Кричит.

Часовой. Смирно! Равнение на небо! Его превосходительство показали над Серыми горами!

Генрих и бургомистр вскакивают и вытягиваются, подняв головы к небу. Слышен отдаленный гул, который постепенно замирает.

Вольно! Его превосходительство повернули обратно и скрылись в дыму и пламени!

Генрих. Патрулирует.

Бургомистр. Так, так. Слушай, а теперь ты мне ответь на один вопросик. Дракон действительно не дал никаких приказаний, а, сынок?

Генрих. Не дал, папа.

Бургомистр. Убивать не будем?

Генрих. Кого?

Бургомистр. Нашего спасителя.

Генрих. Ах, папа, папа.

Бургомистр. Скажи, сынок. Не приказал он потихоньку тюкнуть господина Ланцелота? Не стесняйся, говори... Чего там... Дело житейское. А, сынок? Молчишь?

Генрих. Молчу.

Бургомистр. Ну ладно, молчи. Я сам понимаю: ничего не поделаешь – служба.

Генрих. Напоминаю вам, господин бургомистр, что с минуты на минуту должна состояться торжественная церемония вручения оружия господину герою. Возможно, что сам дра-дра захочет почтить церемонию своим присутствием, а у тебя еще ничего не готово.

Бургомистр *(зевает и потягивается)*. Ну что ж, пойду. Мы в один миг подберем ему оружие какое-нибудь. Останется доволен. Завяжи-ка мне рукава... Вот и он идет! Ланцелот идет!

Генрих. Уведи его! Сейчас сюда придет Эльза, с которой мне нужно поговорить.

Входит Ланцелот.

Бургомистр *(кликушествуя)*. Слава тебе, слава, осанна, Георгий Победоносец! Ах, простите, я обознался в бреде. Мне вдруг почудилось, что вы так на него похожи.

Ланцелот. Очень может быть. Это мой дальний родственник.

Бургомистр. Как скоротали ночку?

Ланцелот. Бродил.

Бургомистр. Подружились с кем-нибудь?

Ланцелот. Конечно.

Бургомистр. С кем?

Ланцелот. Боязливые жители вашего города травили меня собаками. А собаки у вас очень толковые. Вот с ними-то я и подружился. Они меня поняли, потому что любят своих хозяев и желают им добра. Мы болтали почти до рассвета.

Бургомистр. Блох не набрались?

Ланцелот. Нет. Это были славные, аккуратные псы.

Бургомистр. Вы не помните, как их звали?

Ланцелот. Они просили не говорить.

Бургомистр. Терпеть не могу собак.

Ланцелот. Напрасно.

Бургомистр. Слишком простые существа.

Ланцелот. Вы думаете, это так просто – любить людей? Ведь собаки великолепно знают, что за народ их хозяева. Плачут, а любят. Это настоящие работники. Вы посылали за мной?

Бургомистр. За мной, воскликнул аист – и клюнул змею своим острым клювом. За мной, сказал король – и оглянулся на королеву. За мной летели красотки верхом на изящных тросточках. Короче говоря – да, я посылал за вами, господин Ланцелот.

Ланцелот. Чем могу служить?

Бургомистр. В магазине Мюллера получена свежая партия сыра. Лучшее украшение девушки – скромность и прозрачное платьице. На закате дня дикие утки пролетели над колыбелькой. Вас ждут на заседание городского самоуправления, господин Ланцелот.

Ланцелот. Зачем?

Бургомистр. Зачем растут липы на улице Драконовых Лапок? Зачем танцы, когда хочется поцелуев? Зачем поцелуи, когда стучат копыта? Члены городского самоуправления должны лично увидеть вас, чтобы сообразить, какое именно оружие подходит вам больше всего, господин Ланцелот. Идемте, покажемся им!

Уходят.

Генрих. Посмотрим, посмотрим, провозгласил дракон; посмотрим, посмотрим, взревел старик дра-дра; старик дракоша прогремел: посмотрим, черт возьми, – и мы действительно посмо!

Входит Эльза.

Эльза!

Эльза. Да, я. Ты посылал за мной?

Генрих. Посылал. Как жаль, что на башне стоит часовой. Если бы не эта в высшей степени досадная помеха, я бы тебя обнял и поцеловал.

Эльза. А я бы тебя ударила.

Генрих. Ах, Эльза, Эльза! Ты всегда была немножко слишком добродетельна! Но это шло тебе. За скромностью твоей скрывается нечто. Дра-дра чувствует девушек. Он всегда выбирал самых многообещающих, шалун-попрыгун. А Ланцелот еще не пытался ухаживать за тобой?

Эльза. Замолчи.

Генрих. Впрочем, конечно, нет. Будь на твоём месте старая дура, он все равно полез бы сражаться. Ему все равно, кого спасать. Он и не разглядел, какая ты.

Эльза. Мы только что познакомились.

Генрих. Это не оправдание.

Эльза. Ты звал меня только для того, чтобы сообщить все это?

Генрих. О нет. Я звал тебя, чтобы

спросить – хочешь выйти замуж за меня?

Эльза. Перестань!

Генрих. Я не шучу. Я уполномочен передать тебе следующее: если ты будешь послушна и в случае необходимости убьёшь Ланцелота, то в награду дра-дра отпустит тебя.

Эльза. Не хочу.

Генрих. Дай договорить. Вместо тебя избранницей будет другая, совершенно незнакомая девушка из простонародья. Она все равно намечена на будущий год. Выбирай, что лучше – глупая смерть или жизнь, полная таких радостей, которые пока только снились тебе, да и то так редко, что даже обидно.

Эльза. Он трусил!

Генрих. Кто? Дра-дра? Я знаю все его слабости. Он самодур, солдафон, паразит – все что угодно, но только не трус.

Эльза. Вчера он угрожал, а сегодня торгуется?

Генрих. Этого добился я.

Эльза. Ты?

Генрих. Я настоящий победитель дракона, если хочешь знать. Я могу выхлопотать все. Я ждал случая – и дождался. Я не настолько глуп, чтобы уступать тебя кому бы то ни было.

Эльза. Не верю тебе.

Генрих. Верись.

Эльза. Все равно, я не могу убить человека!

Генрих. А нож тыхватила с собой тем не менее. Вон он висит у тебя на поясе. Я ухожу, дорогая. Мне надо надеть парадную ливрею. Но я ухожу спокойный. Ты выполнишь приказ ради себя и ради меня. Подумай! Жизнь, вся жизнь перед нами – если ты захочешь. Подумай, моя очаровательная. *(Уходит.)*

Эльза. Боже мой! У меня щеки горят так, будто я целовалась с ним. Какой позор! Он почти уговорил меня... Значит, вот я такая!.. Ну и пусть. И очень хорошо. Довольно! Я была самая послушная в городе. Верила всему. И чем это кончилось? Да, меня все уважали, а счастье доставалось другим. Они сидят сейчас дома, выбирают платья понаряднее, гладят оборочки. Завиваются. Собираются идти любоваться на мое несчастье. Ах, я так и вижу, как они пудрятя у зеркала и говорят: «Бедная Эльза, бедная девушка, она была такая

хорошая!» Одна я, одна из всего города, стою на площади и мучаюсь. И дурак часовой таращит на меня глаза, думает о том, что сделает сегодня со мной дракон. И завтра этот солдат будет жив, будет отдыхать после дежурства. Пойдет гулять к водопаду, где река такая веселая, что даже самые печальные люди улыбаются, глядя, как славно она прыгает. Или пойдет он в парк, где садовник вырастил чудесные анютины глазки, которые щурятся, подмигивают и даже умеют читать, если буквы крупные и книжка кончается хорошо. Или он поедет кататься по озеру, которое когда-то вскипятил дракон и где русалки до сих пор такие смирные. Они не только никого не топят, а даже торгуют, сидя на мелком месте, спасательными поясами. Но они по-прежнему прекрасны, и солдаты любят болтать с ними. И расскажет русалкам этот глупый солдат, как заиграла веселая музыка, как все заплакали, а дракон повел меня к себе. И русалки примутся ахать: «Ах, бедная Эльза, ах, бедная девушка, сегодня такая хорошая погода, а ее нет на свете». Не хочу! Хочу все видеть, все слышать, все чувствовать. Вот вам! Хочу быть счастливой! Вот вам! Я взяла нож, чтобы убить себя. И не убью. Вот вам!

Ланцелот выходит из ратуши.

Ланцелот. Эльза! Какое счастье, что я вижу вас!

Эльза. Почему?

Ланцелот. Ах, славная моя барышня, у меня такой трудный день, что душа так и требует отдыха, хоть на минуточку. И вот, как будто нарочно, вдруг вы встречаетесь мне.

Эльза. Вы были на заседании?

Ланцелот. Был.

Эльза. Зачем они звали вас?

Ланцелот. Предлагали деньги, лишь бы я отказался от боя.

Эльза. И что вы им ответили?

Ланцелот. Ответил: ах вы бедные дураки! Не будем говорить о них. Сегодня, Эльза, вы еще красивее, чем вчера. Это верный признак того, что вы действительно нравитесь мне. Вы верите, что я освобожу вас?

Эльза. Нет.

Ланцелот. А я не обижаюсь. Вот как вы мне нравитесь, оказывается.

Вбегают подруги Эльзы.

1-я подруга. А вот и мы!

2-я подруга. Мы лучшие подруги Эльзы.

3-я подруга. Мы жили душа в душу столько лет, с самого детства.

1-я подруга. Она у нас была самая умная.

2-я подруга. Она была у нас самая славная.

3-я подруга. И все-таки любила нас больше всех. И зашьет, бывало, что попросишь, и поможет решить задачу, и утешит, когда тебе покажется, что ты самая несчастная.

1-я подруга. Мы не опоздали?

2-я подруга. Вы правда будете драться с ним?

3-я подруга. Господин Ланцелот, вы не можете устроить нас на крышу ратуши? Вам не откажут, если вы попросите. Нам так хочется увидеть бой получше.

1-я подруга. Ну вот, вы и рассердились.

2-я подруга. И не хотите разговаривать с нами.

3-я подруга. А мы вовсе не такие плохие девушки.

1-я подруга. Вы думаете, мы нарочно помешали попрощаться с Эльзой.

2-я подруга. А мы не нарочно.

3-я подруга. Это Генрих приказал нам не оставлять вас наедине с ней, пока господин дракон не разрешит этого...

1-я подруга. Он приказал нам болтать...

2-я подруга. И вот мы болтаем, как дурочки.

3-я подруга. Потому что иначе мы заплакали бы. А вы приезжий и представить себе не можете, какой это стыд – плакать при чужих.

Шарлемань выходит из ратуши.

Шарлемань. Заседание закрылось, господин Ланцелот. Решение об оружии для вас вынесено. Простите нас. Пожалейте нас, бедных убийц, господин Ланцелот.

Гремят трубы. Из ратуши выбегают слуги, которые расстилают ковры и устанавливают кресла. Большое и роскошно украшенное кресло ставят они посередине. Вправо и влево – кресла попроще. Выходит бургомистр, окруженный членами городского самоуправления. Он очень весел. Генрих, в парадной ливрее, с ними.

Бургомистр. Очень смешной анекдот... Как она сказала? Я думала, что все мальчишки это умеют? Ха-ха-ха! А этот анекдот вы знаете? Очень смешной. Одному цыгану отрубили голову...

Гремят трубы.

Ах, уже все готово... Ну хорошо, я вам расскажу его после церемонии... Напомните мне. Давайте, давайте, господа. Мы скоренько отделаемся.

Члены городского самоуправления становятся вправо и влево от кресла, стоящего посередине. Генрих становится за спинкой этого кресла.

(Кланяется пустому креслу. Скороговоркой.) Потрясенные и взволнованные доверием, которое вы, ваше превосходительство, оказываете нам, разрешая выносить столь важные решения, просим вас занять место почетного председателя. Просим раз, просим два, просим три. Сокрушаемся, но делать нечего. Начнем сами. Садитесь, господа. Объявляю заседание...

Пауза.

Воды!

Слуга достает воду из колодца. Бургомистр пьет.

Объявляю заседуние... Воды! *(Пьет. Откашливается, очень тоненьким голосом.)* Объявляю *(глубоким басом)* заседание... Воды! *(Пьет. Тоненько.)* Спасибо, голубчик! *(Басом.)* Пошел вон, негодяй! *(Своим голосом.)* Поздравляю вас, господа, у меня началось раздвоение личности. *(Басом.)* Ты что ж это делаешь, старая дура? *(Тоненько.)* Не видишь, что ли, председательствую. *(Басом.)* Да разве это женское дело? *(Тоненько.)* Да я и сама не рада, касатик. Не сажайте меня, бедную, на кол, а дайте огласить протокол. *(Своим голосом.)* Слушали: о снабжении некоего Ланцелота оружием. Постановили: снабдить, но скрепя сердца. Эй вы там! Давайте сюда оружие!

Гремят трубы. Входят слуги. Первый слуга подает Ланцелоту маленький медный тазик, к которому прикреплены узенькие ремешки.

Ланцелот. Это тазик от цирюльника.

Бургомистр. Да, но мы назначили его исполняющим обязанности шлема. Медный подносик назначен щитом. Не беспокойтесь! Даже вещи в нашем городе послушны и дисциплинированы. Они будут выполнять свои обязанности вполне добросовестно. Рыцарских лат у нас на складе, к сожалению, не оказалось. Но копье есть. *(Протягивает Ланцелоту лист бумаги.)* Это

удостоверение дается вам в том, что копье действительно находится в ремонте, что подписью и приложением печати удостоверяется. Вы предъявите его во время боя господину дракону, и все кончится отлично. Вот вам и все. *(Басом.)* Закрывай заседание, старая дура! *(Тоненьким голосом.)* Да закрываю, закрываю, будь оно проклято. И чего народ все сердится, сердится, и сам не знает, чего сердится. *(Поет.)* Раз, два, три, четыре, пять, вышел рыцарь погулять... *(Басом.)* Закрывай, окаянная! *(Тоненьким голосом.)* А я что делаю? *(Поет.)* Вдруг дракончик вылетает, прямо в рыцаря стреляет... Пиф-паф, ой-ой-ой, объявляю заседаньице закрытым.

Часовой. Смирно! Равнение на небо! Его превосходительство показались над Серыми горами и со страшной быстротой летят сюда.

Все вскакивают и замирают, подняв головы к небу. Далекий гул, который разрастается с ужасающей быстротой. На сцене темнеет. Полная тьма. Гул обрывается.

Смирно! Его превосходительство как туча парит над нами, закрыв солнце. Затаите дыхание!

Вспыхивают два зеленоватых огонька.

Кот (шепотом). Ланцелот, это я, кот.

Ланцелот (шепотом). Я сразу тебя узнал по глазам.

Кот. Я буду дремать на крепостной стене. Выбери время, проберись ко мне, и я промурлыкаю тебе нечто крайне приятное...

Часовой. Смирно! Его превосходительство кинулись вниз головами на площадь.

*Оглушительный свист и рев. Вспыхивает свет. В большом кресле сидит с ногами крошечный мертвенно-бледный **пожилой человек**.*

Кот (с крепостной стены.) Не пугайся, дорогой Ланцелот. Это его третья башка. Он их меняет, когда пожелает.

Бургомистр. Ваше превосходительство! Во вверенном мне городском самоуправлении никаких происшествий не случилось. В околотке – один. Налицо...

Дракон (*надтреснутым тенорком, очень спокойно*). Пошел вон! Все пошли вон! Кроме приезжего.

Все уходят. На сцене Ланцелот, Дракон и кот, который дремлет на крепостной стене, свернувшись клубком.

Как здоровье?

Ланцелот. Спасибо, отлично.

Дракон. А это что за тазик на полу?

Ланцелот. Оружие.

Дракон. Это мои додумались?

Ланцелот. Они.

Дракон. Вот безобразники. Обидно, небось?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Вранье. У меня холодная кровь, но даже я обиделся бы. Страшно вам?

Ланцелот. Нет.

Дракон. Вранье, вранье. Мои люди очень страшные. Таких больше нигде не найдешь. Моя работа. Я их кроил.

Ланцелот. И все-таки они люди.

Дракон. Это снаружи.

Ланцелот. Нет.

Дракон. Если бы ты увидел их души – ох, задрожал бы.

Ланцелот. Нет.

Дракон. Убежал бы даже. Не стал бы умирать из-за калек. Я же их, любезный мой, лично покалечил. Как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам – человек околеет. А душу разорвешь – станет послушней, и только. Нет, нет, таких душ нигде не подберешь. Только в моем городе. Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души. Знаешь, почему бургомистр притворяется душевнобольным? Чтобы скрыть, что у него и вовсе нет души. Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души. Нет, нет, жалко, что они невидимы.

Ланцелот. Это ваше счастье.

Дракон. Как так?

Ланцелот. Люди испугались бы, увидев своими глазами, во что превратились их души. Они на смерть пошли бы, а не остались покоренным народом. Кто бы тогда кормил вас?

Дракон. Черт его знает, может быть, вы и правы. Ну что ж, начнем?

Ланцелот. Давайте.

Дракон. Попрощайтесь сначала с девушкой, ради которой вы идете на смерть. Эй, мальчик!

Вбегает Генрих.

Эльзу!

Генрих убегает.

Вам нравится девушка, которую я выбрал?

Ланцелот. Очень, очень нравится.

Дракон. Это приятно слышать. Мне она тоже очень, очень нравится. Отличная девушка. Послушная девушка.

Входят Эльза и Генрих.

Поди, поди сюда, моя милая. Посмотри мне в глаза. Вот так. Очень хорошо. Глазки ясные. Можешь поцеловать мне руку. Вот так. Славненько. Губки теплые. Значит, на душе у тебя спокойно. Хочешь попрощаться с господином Ланцелотом?

Эльза. Как прикажете, господин дракон.

Дракон. А вот как прикажу. Иди. Поговори с ним ласково. *(Тихо.)* Ласково-ласково поговори с ним. Поцелуй его на прощанье. Ничего, ведь я буду здесь. При мне можно. А потом убей его. Ничего, ничего. Ведь я буду здесь. При мне ты это сделаешь. Ступай. Можешь отойти с ним подальше. Ведь я вижу прекрасно. Я все увижу. Ступай.

Эльза подходит к Ланцелоту.

Эльза. Господин Ланцелот, мне приказано попрощаться с вами.

Ланцелот. Хорошо, Эльза. Давайте прощаемся, на всякий случай. Бой будет серьезный. Мало ли что может случиться. Я хочу на прощанье сказать вам, что я вас люблю, Эльза.

Эльза. Меня!

Ланцелот. Да, Эльза. Еще вчера вы мне так понравились, когда я взглянул в окно и увидел, как вы тихонечко идете с отцом своим домой. Потом вижу, что при каждой встрече вы кажетесь мне все красивее и красивее. Ага, подумал я. Вот оно. Потом, когда вы поцеловали лапу дракону, я не рассердился на вас, а только ужасно огорчился. Ну и тут уже мне все стало понятно. Я, Эльза, люблю вас. Не сердитесь. Я ужасно хотел, чтобы вы знали это.

Эльза. Я думала, что вы все равно вызвали бы дракона. Даже если бы другая девушка была на моем месте.

Ланцелот. Конечно, вызвал бы. Я их терпеть не могу, драконов этих. Но ради вас я готов задушить его голыми руками, хотя это очень противно.

Эльза. Вы, значит, меня любите?

Ланцелот. Очень. Страшно подумать! Если бы вчера, на перекрестке трех дорог, я повернул бы не направо, а налево, то мы так и не познакомились бы никогда. Какой ужас, верно?

Эльза. Да.

Ланцелот. Подумать страшно. Мне кажется теперь, что ближе вас никого у меня на свете нет, и город ваш я считаю своим, потому что вы тут живете. Если меня... ну, словом, если нам больше не удастся поговорить, то вы уж не забывайте меня.

Эльза. Нет.

Ланцелот. Не забывайте. Вот вы сейчас первый раз за сегодняшний день посмотрели мне в глаза. И меня всего так и пронизало теплом, как будто вы приласкали меня. Я странник, легкий человек, но вся жизнь моя проходила в тяжелых боях. Тут дракон, там людоеды, там великаны. Возишься, возишься... Работа хлопотливая, неблагодарная. Но я все-таки был вечно счастлив. Я не уставал. И часто влюблялся.

Эльза. Часто?

Ланцелот. Конечно. Ходишь-бродишь, дерешься – и знакомишься с девушками. Ведь они вечно попадают то в плен к разбойникам, то в мешок к великану, то на кухню к людоеду. А эти злодеи всегда выбирают девушек получше, особенно людоеды. Ну вот и влюбишься, бывало. Но разве так, как теперь? С теми я все шутил. Смешил их. А вас, Эльза, если бы мы были одни, то все целовал бы. Правда. И увел бы вас отсюда. Мы вдвоем шагали бы по лесам и горам, – это совсем не трудно. Нет, я добыл бы вам коня с таким седлом, что вы бы никогда не уставали. И я шел бы у вашего стремени и любовался на вас. И ни один человек не посмел бы вас обидеть.

Эльза берет Ланцелота за руку.

Дракон. Молодец девушка. Приручает его.

Генрих. Да. Она далеко не глупа, ваше превосходительство.

Ланцелот. Эльза, да ты, кажется, собираешься плакать?

Эльза. Собираюсь.

Ланцелот. Почему?

Эльза. Мне жалко.

Ланцелот. Кого?

Эльза. Себя и вас. Не будет нам с вами счастья, господин Ланцелот. Зачем я родилась на свет при драконе!

Ланцелот. Эльза, я всегда говорю правду. Мы будем счастливы. Поверь мне.

Эльза. Ой, ой, не надо.

Ланцелот. Мы пойдем с тобою по лесной дорожке, веселые и счастливые. Только ты да я.

Эльза. Нет, нет, не надо.

Ланцелот. И небо над нами будет чистое. Никто не посмеет броситься на нас оттуда.

Эльза. Правда?

Ланцелот. Правда. Ах, разве знают в бедном вашем народе, как можно любить друг друга? Страх, усталость, недоверие сгорят в тебе, исчезнут навеки – вот как я буду любить тебя. А ты, засыпая, будешь улыбаться и, просыпаясь, будешь улыбаться и звать меня – вот как ты меня будешь любить. И себя полюбишь тоже. Ты будешь ходить спокойная и гордая. Ты поймешь, что уж раз я тебя такую целую, значит, ты хороша. И деревья в лесу будут ласково разговаривать с нами, и птицы, и звери, потому что настоящие влюбленные все понимают и заодно со всем миром. И все будут рады нам, потому что настоящие влюбленные приносят счастье.

Дракон. Что он ей там напевает?

Генрих. Проповедует. Учение – свет, а неученье – тьма. Мойте руки перед едой. И тому подобное. Этот сухарь...

Дракон. Ага, ага. Она положила ему руку на плечо! Молодец.

Эльза. Пусть даже мы не доживем до такого счастья. Все равно, я все равно уже и теперь счастлива. Эти чудовища сторожат нас. А мы ушли от них за тридевять земель. Со мной никогда так не говорили, дорогой мой. Я не знала, что есть на свете такие люди, как ты. Я еще вчера была послушная, как собачка, не смела думать о тебе. И все-таки ночью спустилась тихонько вниз и выпила вино, которое оставалось в твоём стакане. Я только сейчас поняла, что это я по-своему, тайно-тайно, поцеловала тебя ночью за то, что ты вступился за меня. Ты не поймешь, как перепутаны все чувства у нас, бедных, забытых девушек. Еще недавно мне казалось, что я тебя ненавижу. А это я по-своему, тайно-тайно, влюблялась в тебя. Дорогой мой! Я люблю тебя – какое счастье сказать это прямо! И какое счастье... *(Целует Ланцелота.)*

Дракон *(сучит ножками от нетерпения).* Сейчас сделает, сейчас сделает, сейчас сделает!

Эльза. А теперь пусти меня, милый. *(Освобождается из объятий Ланцелота. Выхватывает нож из ножен.)* Видишь этот нож? Дракон приказал, чтобы я убила тебя этим ножом. Смотри!

Дракон. Ну! Ну! Ну!

Генрих. Делай, делай!

Эльза швыряет нож в колодезь.

Презренная девчонка!

Дракон (*гремит*). Да как ты посмела!..

Эльза. Ни слова больше! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе ругаться теперь, после того как он поцеловал меня? Я люблю его. И он убьет тебя.

Ланцелот. Это чистая правда, господин дракон.

Дракон. Ну-ну. Что ж. Придется подраться. (*Зекает.*) Да откровенно говоря, я не жалею об этом, я тут не так давно разработал очень любопытный удар лапой эн в икс-направлении. Сейчас попробуем его на теле. Денщик, позови-ка стражу.

Генрих убегает.

Ступай домой, дурочка, а после боя мы поговорим с тобою обо всем задушевно.

Входит Генрих со стражей.

Слушай, стража, что-то я хотел тебе сказать... Ах да... Проводи-ка домой эту барышню и посторожи ее там.

Ланцелот делает шаг вперед.

Эльза. Не надо. Береги силы. Когда ты его убьешь, приходи за мной. Я буду ждать тебя и перебирать каждое слово, которое ты сказал мне сегодня. Я верю тебе.

Ланцелот. Я приду за тобой.

Дракон. Ну вот и хорошо. Ступайте.

Стража уводит Эльзу.

Мальчик, сними часового с башни и отправь его в тюрьму. Ночью надо будет отрубить ему голову. Он слышал, как девчонка кричала на меня, и может проболтаться об этом в казарме. Распорядись. Потом придешь смазать мне когти ядом.

Генрих убегает.

(*Ланцелоту.*) А ты стой здесь, слышишь? И жди. Когда я начну – не скажу. Настоящая война начинается вдруг. Понял?

Слезает с кресла и уходит во дворец. Ланцелот подходит к коту.

Ланцелот. Ну, кот, что приятного собирался ты промурлыкать мне?

Кот. Взгляни направо, дорогой Ланцелот. В облаке пыли стоит ослик. Брыкается. Пять человек уговаривают упряма. Сейчас я им спою песенку. (*Мяукает.*) Видишь, как запрыгал упрямец прямо к нам. Но у стены он заупрямится вновь, а ты поговори с погонщиками его. Вот и они.

За стеной – голова осли, который останавливается в облаке пыли. Пять погонщиков кричат на него. Генрих бежит через площадь.

Генрих (*погонщикам*). Что вы здесь делаете?

Двое погонщиков (*хором*). Везем товар на рынок, ваша честь.

Генрих. Какой?

Двое погонщиков. Ковры, ваша честь.

Генрих. Проезжайте, проезжайте. У дворца нельзя задерживаться!

Двое погонщиков. Осел заупрямился, ваша честь.

Голос Дракона. Мальчик!

Генрих. Проезжайте, проезжайте! (*Бежит бегом во дворец.*)

Двое погонщиков (*хором*). Здравствуйте, господин Ланцелот. Мы друзья ваши, господин Ланцелот. (*Откашливаются разом.*) Кха-кха. Вы не обижайтесь, что мы говорим разом, – мы с малых лет работаем вместе и так сработались, что и думаем, и говорим как один человек. Мы даже влюбились в один день и один миг и женились на родных сестрах-близнецах. Мы соткали множество ковров, но самый лучший приготовили мы на нынешнюю ночь, для вас. (*Снимают со спины осла ковер и расстилают его на земле.*)

Ланцелот. Какой красивый ковер!

Двое погонщиков. Да. Ковер лучшего сорта, двойной, шерсть с шелком, краски приготовлены по особому нашему секретному способу. Но секрет ковра не в шерсти, не в шелке, не в красках. (*Негромко.*) Это ковер-самолет.

Ланцелот. Прелестно! Говорите скорее, как им управлять.

Двое погонщиков. Очень просто, господин Ланцелот. Это – угол высоты, на нем выткано солнце. Это – угол глубины, на нем выткана земля. Это – угол узорных полетов, на нем вытканы ласточки. А это – драконов угол. Подымешь его – и летишь круто вниз, прямо врагу на башку. Здесь выткан кубок с вином и чудесная закуска. Побеждай и пируй. Нет-нет. Не говори нам спасибо. Наши прадеды все поглядывали на дорогу, ждали тебя. Наши деды ждали. А мы вот – дождались.

Уходят быстро, и тотчас же к Ланцелоту подбегает третий погонщик с картонным футляром в руках.

3-й погонщик. Здравствуйте, сударь! Простите. Поверните голову так. А теперь этак. Отлично. Сударь, я шапочных и шляпочных дел мастер. Я делаю лучшие шляпы и шапки в мире. Я очень знаменит в этом городе. Меня тут каждая собака знает.

Кот. И кошка тоже.

3-й погонщик. Вот видите! Без всякой примерки, бросив один взгляд на заказчика, я делаю вещи, которые удивительно украшают людей, – и в этом моя радость. Одну даму, например, муж любит, только пока она в шляпе моей работы. Она даже спит в шляпе и признается всюду, что она мне обязана счастьем всей своей жизни. Сегодня я всю ночь работал на вас, сударь, и плакал как ребенок, с горя.

Ланцелот. Почему?

3-й погонщик. Это такой трагический, особенный фасон. Это шапка-невидимка.

Ланцелот. Прелестно!

3-й погонщик. Как только вы ее наденете, так и исчезнете, и бедный мастер вовеки не узнает, идет она вам или нет. Берите, только не примеряйте при мне. Я этого не перенесу! Нет, не перенесу!

Убегает. Тотчас же к Ланцелоту подходит четвертый погонщик – бородатый угрюмый человек со свертком на плече. Развертывает сверток. Там меч и копье.

4-й погонщик. На. Всю ночь ковали. Ни пуха тебе, ни пера.

*Уходит. К Ланцелоту подбегает **пятый погонщик** – маленький седой человечек со струнным музыкальным инструментом в руках.*

5-й погонщик. Я музыкальных дел мастер, господин Ланцелот. Еще мой прапрапрадед начал строить этот маленький инструмент. Из поколения в поколение работали мы над ним, и в человеческих руках он стал совсем человеком. Он будет вашим верным спутником в бою. Руки ваши будут заняты копьем и мечом, но он сам позаботится о себе. Он сам даст ля – и настроится. Сам переменит лопнувшую струну, сам заиграет. Когда следует, он будет бисировать, а когда нужно – молчать. Верно я говорю?

Музыкальный инструмент отвечает музыкальной фразой.

Видите? Мы слышали, мы все слышали, как вы, одинокий, бродили по городу, и спешили, спешили вооружить вас с головы до ног. Мы ждали, сотни лет ждали, дракон сделал нас тихими, и мы ждали тихо-тихо. И вот дождались. Убейте его и отпустите нас на свободу. Верно я говорю?

Музыкальный инструмент отвечает музыкальной фразой. Пятый погонщик уходит с поклонами.

Кот. Когда начнется бой, мы – я и ослик – укроемся в амбаре позади дворца, чтобы пламя случайно не опалило мою шкурку. Если понадобится, кликни нас. Здесь в поклаже на спине ослика укрепляющие напитки, пирожки с вишнями, точило для меча, запасные наконечники для копья, иголки и нитки.

Ланцелот. Спасибо. *(Становится на ковер. Берет оружие. Кладет у ног музыкальный инструмент. Достает шапку-невидимку, надевает ее и исчезает.)*

Кот. Аккуратная работа. Прекрасные мастера. Ты еще тут, дорогой Ланцелот?

Голос Ланцелота. Нет. Я поднимаюсь потихоньку. До свиданья, друзья.

Кот. До свиданья, дорогой мой. Ах, сколько треволнений, сколько забот. Нет, быть в отчаянии – это гораздо приятнее. Дремлешь и ничего не ждешь. Верно я говорю, ослик?

Осел шевелит ушами.

Ушами я разговаривать не умею. Давай поговорим, ослик, словами. Мы знакомы мало, но раз уж работаем вместе, то можно и помяукать дружески. Мучение – ждать молча. Помяукаем.

Осел. Мяукать не согласен.

Кот. Ну тогда хоть поговорим. Дракон думает, что Ланцелот здесь, а его и след простыл. Смешно, верно?

Осел *(мрачно)*. Потеха!

Кот. Отчего же ты не смеешься?

Осел. Побьют. Как только я засмеюсь громко, люди говорят: опять этот проклятый осел кричит. И дерутся.

Кот. Ах вот как! Это, значит, у тебя смех такой пронзительный?

Осел. Ага.

Кот. А над чем ты смеешься?

Осел. Как когда... Думаю, думаю – да и вспомню смешное. Лошади меня смешат.

Кот. Чем?

Осел. Так... Дуры.

Кот. Прости, пожалуйста, за нескромность. Я тебя давно вот о чем хотел спросить...

Осел. Ну?

Кот. Как можешь ты есть колючки?

Осел. А что?

Кот. В траве попадаются, правда, съедобные стебельки. А колючки... сухие такие!

Осел. Ничего. Люблю острое.

Кот. А мясо?

Осел. Что – мясо?

Кот. Не пробовал есть?

Осел. Мясо – это не еда. Мясо – это поклажа. Его в тележку кладут, дурачок.

Кот. А молоко?

Осел. Вот это в детстве я пил.

Кот. Ну, слава богу, можно будет поболтать о приятных, утешительных предметах.

Осел. Верно. Это приятно вспомнить. Утешительно. Мать добрая. Молоко теплое. Сосешь, сосешь. Рай! Вкусно.

Кот. Молоко и лакать приятно.

Осел. Лакать не согласен.

Кот (*вскакивает*). Слышишь?

Осел. Стучит копытами, гад.

Тройной вопль Дракона.

Дракон. Ланцелот!

Пауза.

Ланцелот!

Осел. Ку-ку! (*Разражается ослиным хохотом.*) И-а! И-а! И-а!

Дворцовые двери распахиваются. В дыму и пламени смутно виднеются то три гигантские башки, то огромные лапы, то сверкающие глаза.

Дракон. Ланцелот! Полюбуйся на меня перед боем. Где же ты?

Генрих *выбегает на площадь. Мечется, ищет Ланцелота, заглядывает в колодезь.*

Где же он?

Генрих. Он спрятался, ваше превосходительство.

Дракон. Эй, Ланцелот! Где ты?

Звон меча.

Кто посмел ударить меня?!

Голос Ланцелота. Я, Ланцелот!

Полная тьма. Угрожающий рев. Вспыхивает свет. Генрих мчится в ратушу. Шум боя.

Кот. Бежим в укрытие.

Осел. Пора.

*Убегают. Площадь наполняется **народом**. Народ необычайно тих. Все перешептываются, глядя на небо.*

1-й горожанин. Как мучительно затягивается бой.

2-й горожанин. Да! Уже две минуты – и никаких результатов.

1-й горожанин. Я надеюсь, что сразу все будет кончено.

2-й горожанин. Ах, мы жили так спокойно... А сейчас время завтракать – и не хочется есть. Ужас! Здравствуйте, господин садовник. Почему мы так грустны?

Садовник. У меня сегодня распустились чайные розы, хлебные розы и винные розы. Посмотришь на них – и ты сыт и пьян. Господин дракон обещал зайти взглянуть и дать денег на дальнейшие опыты. А теперь он воюет. Из-за этого ужаса могут погибнуть плоды многолетних трудов.

Разносчик (*бойким шепотом*). А вот кому закопченные стекла? Посмотришь – и увидишь господина дракона копченым.

Все тихо смеются.

1-й горожанин. Какое безобразие. Ха-ха-ха!

2-й горожанин. Увидишь его копченым, как же!

Покупают стекла.

Мальчик. Мама, от кого дракон удирает по всему небу?

Все. Тссс!

1-й горожанин. Он не удирает, мальчик, он маневрирует.

Мальчик. А почему он поджал хвост?

Все. Тссс!

1-й горожанин. Хвост

поджат по заранее обдуманному плану, мальчик.

1-я горожанка. Подумать только! Война идет уже целых шесть минут, а конца ей еще не видно. Все так взволнованны, даже простые торговки подняли цены на молоко втрое.

2-я горожанка. Ах, что там торговки. По дороге сюда мы увидели зрелище, леденящее душу. Сахар и сливочное масло, бледные как смерть, неслись из магазинов на склады. Ужасно нервные продукты. Как услышат шум боя – так и прячутся.

Крики ужаса. Толпа шарахается в сторону. Появляется Шарлемань.

Шарлемань. Здравствуйте, господа!

Молчание.

Вы не узнаете меня?

1-й горожанин. Конечно, нет. Со вчерашнего вечера вы стали совершенно неузнаваемым.

Шарлемань. Почему?

Садовник. Ужасные люди. Принимают чужих. Портят настроение дракону. Это хуже, чем по газону ходить. Да еще спрашивают – почему.

2-й горожанин. Я лично совершенно не узнаю вас после того, как ваш дом окружила стража.

Шарлемань. Да, это ужасно. Не правда ли? Эта глупая стража не пускает меня к родной моей дочери. Говорит, что дракон не велел никого пускать к Эльзе.

1-й горожанин. Ну что ж. Со своей точки зрения они совершенно правы.

Шарлемань. Эльза там одна. Правда, она очень весело кивала мне в окно, но это, наверное, только для того, чтобы успокоить меня. Ах, я не нахожу себе места!

2-й горожанин. Как – не находите места? Значит, вас уволили с должности архивариуса?

Шарлемань. Нет.

2-й горожанин. Тогда о каком месте вы говорите?

Шарлемань. Неужели вы не понимаете меня?

1-й горожанин. Нет. После того как вы подружились с этим чужаком, мы с вами говорим на разных языках.

Шум боя, удары меча.

Мальчик (*указывает на небо*). Мама, мама! Он перевернулся вверх ногами. Кто-то бьет его так, что искры летят!

Все. Тссс!

Гремят трубы. Выходят Генрих и бургомистр.

Бургомистр. Слушайте приказ. Во избежание эпидемии глазных болезней, и только поэтому, на небо смотреть воспрещается. Что происходит на небе, вы узнаете из коммюнике, которое по мере надобности будет выпускать личный секретарь господина дракона.

1-й горожанин. Вот это правильно.

2-й горожанин. Давно пора.

Мальчик. Мама, а почему вредно смотреть, как его бьют?

Все. Тссс!

Появляются подруги Эльзы.

1-я подруга. Десять минут идет война! Зачем этот Ланцелот не сдается?

2-я подруга. Знает ведь, что дракона победить нельзя.

3-я подруга. Он просто нарочно мучает нас.

1-я подруга. Я забыла у Эльзы свои перчатки. Но мне все равно теперь. Я так устала от этой войны, что мне ничего не жалко.

2-я подруга. Я тоже стала совершенно бесчувственная. Эльза хотела подарить мне на память свои новые туфли, но я и не вспоминаю о них.

3-я подруга. Подумать только! Если бы не этот приезжий, дракон давно бы уже увел Эльзу к себе. И мы сидели бы спокойно дома и плакали бы.

Разносчик (*бойко, шепотом*). А вот кому интересный научный инструмент, так называемое зеркальце, – смотришь вниз, а видишь небо? Каждый за недорогую цену может увидеть дракона у своих ног.

Все тихо смеются.

1-й горожанин. Какое безобразие! Ха-ха-ха!

2-й горожанин. Увидишь его у своих ног! Дождись!

Зеркала раскупают. Все смотрят в них, разбившись на группы. Шум боя все ожесточеннее.

1-я горожанка. Но это ужасно!

2-я горожанка. Бедный дракон!

1-я горожанка. Он перестал выдыхать пламя.

2-я горожанка. Он только дымится.

1-й горожанин. Какие сложные маневры.

2-й горожанин. По-моему... Нет, я ничего не скажу!

1-й горожанин. Ничего не понимаю.

Генрих. Слушайте коммюнике городского самоуправления. Бой близится к концу. Противник потерял меч. Копье его сломано. В ковре-самолете обнаружена моль, которая с невиданной быстротой уничтожает летные силы врага. Оторвавшись от своих баз, противник не может добыть нафталина и

ловит моль, хлопая ладонями, что лишает его необходимой маневренности. Господин дракон не уничтожает врага только из любви к войне. Он еще не насытился подвигами и не налюбовался чудесами собственной храбрости.

1-й горожанин. Вот теперь я все понимаю.

Мальчик. Ну, мамочка, ну смотри, ну честное слово, его кто-то лупит по шее.

1-й горожанин. У него три шеи, мальчик.

Мальчик. Ну вот, видите, а теперь его гонят в три шеи.

1-й горожанин. Это обман зрения, мальчик!

Мальчик. Вот я и говорю, что обман. Я сам часто дерусь и понимаю, кого бьют. Ой! Что это?!

1-й горожанин. Уберите ребенка.

2-й горожанин. Я не верю, не верю глазам своим! Врача, глазного врача мне!

1-й горожанин. Она падает сюда. Я этого не перенесу! Не заслоняйте! Дайте взглянуть!..

Голова Дракона с грохотом валится на площадь.

Бургомистр. Коммюнике! Полжизни за коммюнике!

Генрих. Слушайте коммюнике городского самоуправления. Обессиленный Ланцелот потерял все и частично захвачен в плен.

Мальчик. Как частично?

Генрих. А так. Это – военная тайна. Остальные его части беспорядочно сопротивляются. Между прочим, господин дракон освободил от военной службы по болезни одну свою голову с зачислением ее в резерв первой очереди.

Мальчик. А все-таки я не понимаю...

1-й горожанин. Ну чего тут не понимать? Зубы у тебя падали?

Мальчик. Падали.

1-й горожанин. Ну вот. А ты живешь себе.

Мальчик. Но голова у меня никогда не падала.

1-й горожанин. Мало ли что!

Генрих. Слушайте обзор происходящих событий. Заглавие: почему два, в сущности, больше, чем три? Две головы сидят на двух шеях. Получается четыре. Так. А кроме того, сидят они несокрушимо.

Вторая голова Дракона с грохотом валится на площадь.

Обзор откладывается по техническим причинам. Слушайте коммюнике. Боевые действия развиваются согласно плану, составленным господином драконом.

Мальчик. И все?

Генрих. Пока все.

1-й горожанин. Я потерял уважение к дракону на две трети. Господин Шарлемань! Дорогой друг! Почему вы там стоите в одиночестве?

2-й горожанин. Идите к нам, к нам.

1-й горожанин. Неужели стража не впускает вас к единственной дочери? Какое безобразие!

2-й горожанин. Почему вы молчите?

1-й горожанин. Неужели вы обиделись на нас?

Шарлемань. Нет, но я растерялся. Сначала вы не узнавали меня без всякого притворства. Я знаю вас. А теперь так же непритворно вы радуетесь мне.

Садовник. Ах, господин Шарлемань. Не надо размышлять. Это слишком страшно. Страшно подумать, сколько времени я потерял, бегая лизать лапу этому одноголовому чудовищу. Сколько цветов мог вырастить!

Генрих. Послушайте обзор событий!

Садовник. Отстаньте! Надоели!

Генрих. Мало ли что! Время военное. Надо терпеть. Итак, я начинаю. Един Бог, едино солнце, едина луна, едина голова на плечах у нашего повелителя. Иметь всего одну голову – это человечно, это гуманно в высшем смысле этого слова. Кроме того, это крайне удобно и в чисто военном отношении. Это сильно сокращает фронт. Оборонять одну голову втрое легче, чем три.

Третья голова Дракона с грохотом валится на площадь. Взрыв криков. Теперь все говорят очень громко.

1-й горожанин. Долой дракона!

2-й горожанин. Нас обманывали с детства!

1-я горожанка. Как хорошо! Некого слушаться!

2-я горожанка. Я как пьяная! Честное слово.

Мальчик. Мама, теперь, наверное, не будет занятий в школе! Ура!

Разносчик. А вот кому игрушка? Дракошка-картошка! Раз – и нет головы!

Все хохочут во всю глотку.

Садовник. Очень остроумно. Как? Дракон-корнеплод? Сидеть в парке! Всю жизнь! Безвыходно! Ура!

Все. Ура! Долой его! Дракошка-картошка! Бей кого попало!

Генрих. Прослушайте коммюнике!

Все. Не прослушаем! Как хотим, так и кричим! Как желаем, так и лаем! Какое счастье! Бей!

Бургомистр. Эй, стража!

Стража выбегает на площадь.

(Генриху.) Говори. Начни помягче, а потом стукни. Смирно!

Все затихают.

Генрих *(очень мягко)*. Прослушайте, пожалуйста, коммюнике. На фронтах ну буквально, буквально-таки ничего интересного не произошло. Все обстоит вполне благополучненько. Объявляется осадное положение. За распространение слухов *(грозно)* будем рубить головы без замены штрафом. Поняли? Все по домам! Стража, очистить площадь!

Площадь пустеет.

Ну? Как тебе понравилось это зрелище?

Бургомистр. Помолчи, сынок.

Генрих. Почему ты улыбаешься?

Бургомистр. Помолчи, сынок.

Глухой тяжелый удар, от которого содрогается земля.

Это тело дракона рухнуло на землю за мельницей.

1-я голова Дракона. Мальчик!

Генрих. Почему ты так потираешь руки, папа?

Бургомистр. Ах, сынок! В руки мне сама собою свалилась власть.

2-я голова. Бургомистр, подойди ко мне! Дай воды! Бургомистр!

Бургомистр. Все идет великолепно, Генрих. Покойник воспитал их так, что они повезут любого, кто возьмет вожжи.

Генрих. Однако сейчас на площади...

Бургомистр. Ах, это пустяки. Каждая собака прыгает как безумная, когда ее спустишь с цепи, а потом сама бежит в конуру.

3-я голова. Мальчик! Подойди-ка ко мне! Я умираю.

Генрих. А Ланцелота ты не боишься, папа?

Бургомистр. Нет, сынок. Неужели ты думаешь, что дракона было так легко убить? Вернее всего, господин Ланцелот лежит обессиленный на ковре-самолете и ветер уносит его прочь от нашего города.

Генрих. А если вдруг он спустится...

Бургомистр. То мы с ним легко справимся. Он обессилен, уверяю тебя. Наш дорогой покойник все-таки умел драться. Идем. Напишем первые приказы. Главное – держаться как ни в чем не бывало.

1-я голова. Мальчик! Бургомистр!

Бургомистр. Идем, идем, некогда!

Уходят.

1-я голова. Зачем, зачем я ударил его второй левой лапой? Второй правой надо было.

2-я голова. Эй, кто-нибудь! Ты, Миллер! Ты мне хвост целовал при встрече. Эй, Фридрихсен! Ты подарил мне трубку с тремя мундштуками и надписью «Твой навеки». Где ты, Анна-Мария-Фредерика Вебер? Ты говорила, что влюблена в меня, и носила на груди кусочки моего когтя в бархатном мешочке. Мы издревле научились понимать друг друга. Где же вы все? Дайте воды. Ведь вот он, колодец, рядом. Глоток! Полглотка! Ну хоть губы смочить.

1-я голова. Дайте, дайте мне начать сначала! Я вас всех передавлю!

2-я голова. Одну капельку, кто-нибудь.

3-я голова. Надо было скроить хоть одну верную душу. Не поддавался материал.

2-я голова. Тише! Я чую, рядом кто-то живой. Подойди. Дай воды.

Голос Ланцелота. Не могу!

На площади появляется Ланцелот. Он стоит на ковре-самолете, опираясь на согнутый меч. В руках его шапка-невидимка. У ног музыкальный инструмент.

1-я голова. Ты победил случайно! Если бы я ударил второй правой...

2-я голова. А впрочем, прощай!

3-я голова. Меня утешает, что я оставляю тебе прожженные души, дырявые души, мертвые души... А впрочем, прощай!

2-я голова. Один человек возле, тот, кто убил меня! Вот так кончилась жизнь!

Все три головы (хором). Кончилась жизнь. Прощай! *(Умирают.)*

Ланцелот. Они-то умерли, но и мне что-то нехорошо. Не слушаются руки. Вижу плохо. И слышу все время, как зовет меня кто-то по имени: «Ланцелот, Ланцелот». Знакомый голос. Унылый голос. Не хочется идти. Но, кажется, придется на этот раз. Как ты думаешь – я умираю?

Музыкальный инструмент отвечает.

Да, как тебя слушаешь, это выходит и возвышенно, и благородно. Но мне ужасно нездоровится. Я смертельно ранен. Погоди-ка, погоди... Но дракон-то убит, вот и легче мне стало дышать. Эльза! Я его победил! Правда, никогда больше не увидать мне тебя, Эльза! Не улыбнешься ты мне, не поцелуешь, не спросишь: «Ланцелот, что с тобой? Почему ты такой невеселый? Почему у тебя так кружится голова? Почему болят плечи? Кто зовет тебя так упрямо – Ланцелот, Ланцелот?» Это смерть меня зовет, Эльза. Я умираю. Это очень грустно, верно?

Музыкальный инструмент отвечает.

Это очень обидно. Все они спрятались. Как будто победа – это несчастье какое-нибудь. Да погоди же ты, смерть. Ты меня знаешь. Я не раз смотрел тебе в глаза и никогда не прятался. Не уйду! Слышу. Дай мне подумать еще минуту. Все они спрятались. Так. Но сейчас дома они потихоньку-потихоньку приходят в себя. Души у них распрямляются. Зачем, шепчут они, зачем кормили и холили мы это чудовище? Из-за нас умирает теперь на площади человек, один-одинешенек. Ну, уж теперь мы будем умнее! Вон какой бой разыгрался в небе из-за нас. Вон как больно дышать бедному Ланцелоту. Нет уж, довольно, довольно! Из-за слабости нашей гибли самые сильные, самые добрые, самые нетерпеливые. Камни и те поумнели бы. А мы все-таки люди. Вот что шепчут сейчас в каждом доме, в каждой комнатке. Слышишь?

Музыкальный инструмент отвечает.

Да, да, именно так. Значит, я умираю даром. Прощай, Эльза. Я знал, что буду любить тебя всю жизнь... Только не верил, что кончится жизнь так скоро. Прощай, город, прощай, утро, день, вечер. Вот и ночь пришла! Эй вы! Смерть зовет, торопит... Мысли мешаются... Что-то... что-то я не договорил... Эй вы! Не бойтесь. Это можно – не обижать вдов и сирот. Жалеть друг друга тоже можно. Не бойтесь! Жалейте друг друга. Жалейте – и вы будете счастливы! Честное слово, это правда, чистая правда, самая чистая правда, какая есть на земле. Вот и все. А я ухожу. Прощайте.

Музыкальный инструмент отвечает.

Действие третье

Роскошно обставленный зал во дворце бургомистра. На заднем плане, по обе стороны двери, полукруглые столы, накрытые к ужину. Перед ними, в центре, небольшой стол, на котором лежит толстая книга в золотом переплете. При поднятии занавеса гремит оркестр. Группа горожан глядят на дверь.

Горожане (тихо). Раз, два, три. (Громко.) Да здравствует победитель дракона! (Тихо.) Раз, два, три. (Громко.) Да здравствует наш повелитель! (Тихо.) Раз, два,

три. *(Громко.)* До чего же мы довольны – это уму непостижимо! *(Тихо.)* Раз, два, три. *(Громко.)* Мы слышим его шаги!

Входит Генрих.

(Громко, но стройно.) Ура! Ура! Ура!

1-й горожанин. О славный наш освободитель! Ровно год назад окаянный, антипатичный, нечуткий, противный сукин сын дракон был уничтожен вами.

Горожане. Ура, ура, ура!

1-й горожанин. С тех пор мы живем очень хорошо. Мы...

Генрих. Стойте, стойте, любезные. Сделайте ударение на «очень».

1-й горожанин. Слушаю-с. С тех пор мы живем о-чень хорошо.

Генрих. Нет, любезный. Не так. Не надо нажимать на «о». Получается какой-то двусмысленный завыв: «оучень». Поднапрягите-ка на «ч».

1-й горожанин. С тех пор мы живем оччень хорошо.

Генрих. Во-во! Утверждаю этот вариант. Ведь вы знаете победителя дракона. Это простой до наивности человек. Он любит искренность, задушевность. Дальше.

1-й горожанин. Мы просто не знаем, куда деваться от счастья.

Генрих. Отлично! Стойте. Вставим здесь что-нибудь этакое... гуманное, добродетельное... Победитель дракона это любит. *(Щелкает пальцами.)* Стойте, стойте, стойте! Сейчас, сейчас, сейчас! Вот! Нашел! Даже пташки чирикают весело. Зло ушло – добро пришло! Чик-чирик! Чирик-ура! Повторим.

1-й горожанин. Даже пташки чирикают весело. Зло ушло – добро пришло, чик-чирик, чирик-ура!

Генрих. Уныло чирикаете, любезный! Смотрите, как бы вам самому не было за это чирик-чирик.

1-й горожанин *(весело).* Чик-чирик! Чирик-ура!

Генрих. Так-то лучше. Ну-с, хорошо. Остальные куски мы репетировали уже?

Горожане. Так точно, господин бургомистр.

Генрих. Ладно. Сейчас победитель дракона, президент вольного города выйдет к вам. Запомните – говорить надо стройно и вместе с тем задушевно, гуманно, демократично. Это дракон разводил церемонии, а мы...

Часовой *(из средней двери.)* Сми-ирно! Равнение на двери! Его превосходительство президент вольного города идут по коридору. *(Деревянно. Басом.)* Ах ты душечка! Ах ты благодетель! Дракона убил! Вы подумайте!

Гремит музыка. Входит бургомистр.

Генрих. Ваше превосходительство господин президент вольного города! За время моего дежурства никаких происшествий не случилось! Налицо десять человек. Из них безумно счастливы все... В околотке...

Бургомистр. Вольно, вольно, господа. Здравствуйте, бургомистр. (*Пожимает руку Генриху.*) О! А это кто? А, бургомистр?

Генрих. Сограждане наши помнят, что ровно год назад вы убили дракона. Прибежали поздравить.

Бургомистр. Да что вы? Вот приятный сюрприз! Ну-ну, валяйте.

Горожане (*тихо*). Раз, два, три. (*Громко.*) Да здоровствует победитель дракона! (*Тихо.*) Раз, два, три. (*Громко.*) Да здоровствует наш повелитель...

Входит тюремщик.

Бургомистр. Стойте, стойте! Здравствуй, тюремщик.

Тюремщик. Здравствуйте, ваше превосходительство.

Бургомистр (*горожанам*). Спасибо, господа. Я и так знаю все, что вы хотите сказать. Черт, непрошенная слеза. (*Смахивает слезу.*) Но тут, понимаете, у нас в доме свадьба, а у меня остались кое-какие делишки. Ступайте, а потом приходите на свадьбу. Повеселимся. Кошмар окончился, и мы теперь живем! Верно?

Горожане. Ура! Ура! Ура!

Бургомистр. Во-во, именно. Рабство отошло в область преданий, и мы переродились. Вспомните – кем я был при проклятом драконе? Больным, сумасшедшим. А теперь? Здоров как огурчик. О вас я уж и не говорю. Вы у меня всегда веселы и счастливы, как птички. Ну и летите себе. Живо! Генрих, проводи!

Горожане уходят.

Бургомистр. Ну что там у тебя в тюрьме?

Тюремщик. Сидят.

Бургомистр. Ну а мой бывший помощник как?

Тюремщик. Мучается.

Бургомистр. Ха-ха! Врешь небось?

Тюремщик. Ей-право, мучается.

Бургомистр. Ну а как все-таки?

Тюремщик. На стену лезет.

Бургомистр. Ха-ха! Так ему и надо! Отвратительная личность. Бывало, рассказываешь анекдот, все смеются, а он бороду показывает. Это, мол, анекдот старый, с бородой. Ну вот и сиди теперь. Мой портрет ему показывал?

Тюремщик. А как же!

Бургомистр. Какой? На котором я радостно улыбаюсь?

Тюремщик. Этот самый.

Бургомистр. Ну и что он?

Тюремщик. Плачет.

Бургомистр. Врешь небось?

Тюремщик. Ей-право, плачет.

Бургомистр. Ха-ха! Приятно. Ну а ткачи, снабдившие этого... ковром-самолетом?

Тюремщик. Надоели, проклятые. Сидят в разных этажах, а держатся как один. Что один скажет, то и другой.

Бургомистр. Но, однако же, они похудели?

Тюремщик. У меня похудеешь!

Бургомистр. А кузнец?

Тюремщик. Опять решетку перепилил. Пришлось вставить в окно его камеры алмазную.

Бургомистр. Хорошо, хорошо, не жалею расходов. Ну и что он?

Тюремщик. Озадачен.

Бургомистр. Ха-ха! Приятно!

Тюремщик. Шапочник сшил такие шапочки мышам, что коты их не трогают.

Бургомистр. Ну да? Почему?

Тюремщик. Любуются. А музыкант поет, тоску наводит. Я, как захожу к нему, затыкаю уши воском.

Бургомистр. Ладно. Что в городе?

Тюремщик. Тихо. Однако пишут.

Бургомистр. Что?

Тюремщик. Буквы «Л» на стенах. Это значит – Ланцелот.

Бургомистр. Ерунда. Буква «Л» обозначает – любим президента.

Тюремщик. Ага. Значит, не сажать, которые пишут?

Бургомистр. Нет, отчего же. Сажай. Еще чего пишут?

Тюремщик. Стыдно сказать. «Президент – скотина. Его сын – мошенник»... «Президент...» (*Хихикает басом.*) Не смею повторить, как они выражаются. Однако больше всего пишут букву «Л».

Бургомистр. Вот чудачки. Дался им этот Ланцелот. А о нем так и нет сведений?

Тюремщик. Пропал.

Бургомистр. Птиц допрашивал?

Тюремщик. Ага.

Бургомистр. Всех?

Тюремщик. Ага. Вот орел мне какую отметину поставил. Ключнул в ухо.

Бургомистр. Ну и что они говорят?

Тюремщик. Говорят, не видали Ланцелота. Один попугай соглашается. Ты ему: видал? И он тебе: видал. Ты ему: Ланцелота? И он тебе: Ланцелота. Ну, попугай известно что за птица.

Бургомистр. А змеи?

Тюремщик. Эти сами бы приползли, если бы что узнали. Это свои. Да еще родственники покойнику. Однако не ползут.

Бургомистр. А рыбы?

Тюремщик. Молчат.

Бургомистр. Может, знают что-нибудь?

Тюремщик. Нет. Ученые рыбоводы смотрели им в глаза – подтверждают: ничего, мол, им не известно. Одним словом, Ланцелот, он же Георгий, он же Персей-проходимец, в каждой стране именуемый по-своему, до сих пор не обнаружен.

Бургомистр. Ну и шут с ним.

Входит Генрих.

Генрих. Пришел отец счастливой невесты господин архивариус Шарлемань.

Бургомистр. Ага! Ага! Его-то мне и надо. Проси.

Входит Шарлемань.

Ну, ступайте, тюремщик. Продолжайте работать. Я вами доволен.

Тюремщик. Мы стараемся.

Бургомистр. Старайтесь. Шарлемань, вы знакомы с тюремщиком?

Шарлемань. Очень мало, господин президент.

Бургомистр. Ну-ну. Ничего. Может быть, еще познакомитесь поближе.

Тюремщик. Взять?

Бургомистр. Ну вот, уже сразу и взять. Иди, иди пока. До свиданья.

Тюремщик уходит.

Ну-с, Шарлемань, вы догадываетесь, конечно, зачем мы вас позвали? Всякие государственные заботы, хлопоты, то-се помешали мне забежать к вам лично. Но вы и Эльза знаете из приказов, расклеенных по городу, что сегодня ее свадьба.

Шарлемань. Да, мы это знаем, господин президент.

Бургомистр. Нам, государственным людям, некогда делать предложения с цветами, вздохами и так далее. Мы не предлагаем, а приказываем как ни в чем не бывало. Ха-ха! Это крайне удобно. Эльза счастлива?

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Ну вот еще... Конечно, счастлива. А вы?

Шарлемань. Я в отчаянии, господин президент...

Бургомистр. Какая неблагодарность! Я убил дракона...

Шарлемань. Простите меня, господин президент, но я не могу в это поверить.

Бургомистр. Можете!

Шарлемань. Честное слово, не могу.

Бургомистр. Можете, можете. Если даже я верю в это, то вы и подавно можете.

Шарлемань. Нет.

Генрих. Он просто не хочет.

Бургомистр. Но почему?

Генрих. Набивает цену.

Бургомистр. Ладно. Предлагаю вам должность первого моего помощника.

Шарлемань. Я не хочу.

Бургомистр. Глупости. Хотите.

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Не торгуйтесь, нам некогда. Казенная квартира возле парка, недалеко от рынка, в сто пятьдесят три комнаты, причем все окна выходят на юг. Сказочное жалованье. И кроме того, каждый раз, как вы идете на службу, вам выдаются подъемные, а когда идете домой, – отпускные. Соберетесь в гости – вам даются командировочные, а сидите дома – вам платятся квартирные. Вы будете почти так же богаты, как я. Всё. Вы согласны.

Шарлемань. Нет.

Бургомистр. Чего же вы хотите?

Шарлемань. Мы одного хотим – не трогайте нас, господин президент.

Бургомистр. Вот славно – не трогайте! А раз мне хочется? И кроме того, с государственной точки зрения – это очень солидно. Победитель дракона женится на спасенной им девушке. Это так убедительно. Как вы не хотите понять?

Шарлемань. Зачем вы мучаете нас? Я научился думать, господин президент, это само по себе мучительно, а тут еще эта свадьба. Так ведь можно и с ума сойти.

Бургомистр. Нельзя, нельзя! Все эти психические заболевания – ерунда. Выдумки.

Шарлемань. Ах, боже мой! Как мы беспомощны! То, что город наш совсем-совсем такой же тихий и послушный, как прежде, – это так страшно.

Бургомистр. Что за бред? Почему это страшно? Вы что – решили бунтовать со своей дочкой?

Шарлемань. Нет. Мы гуляли с ней сегодня в лесу и обо всем так хорошо, так подробно переговорили. Завтра, как только ее не станет, я тоже умру.

Бургомистр. Как это – не станет? Что за глупости!

Шарлемань. Неужели вы думаете, что она переживет эту свадьбу?

Бургомистр. Конечно. Это будет славный, веселый праздник. Другой бы радовался, что выдает дочку за богатого.

Генрих. Да и он тоже радуется.

Шарлемань. Нет. Я пожилой, вежливый человек, мне трудно сказать вам это прямо в глаза. Но я все-таки скажу. Эта свадьба – большое несчастье для нас.

Генрих. Какой утомительный способ торговаться.

Бургомистр. Слушайте вы, любезный! Больше, чем предложено, не получите! Вы, очевидно, хотите пай в наших предприятиях? Не выйдет! То, что нагло забирал дракон, теперь в руках лучших людей города. Проще говоря, в моих, и отчасти – Генриха. Это совершенно законно. Не дам из этих денег ни гроша!

Шарлемань. Разрешите мне уйти, господин президент.

Бургомистр. Можете. Запомните только следующее. Первое: на свадьбе извольте быть веселы, жизнерадостны и остроумны. Второе: никаких смертей! Потрудитесь жить столько, сколько мне будет угодно. Передайте это вашей дочери. Третье: в дальнейшем называйте меня «ваше превосходительство». Видите этот список? Тут пятьдесят фамилий. Все ваши лучшие друзья. Если вы будете бунтовать, все пятьдесят заложников пропадут без вести. Ступайте. Стойте. Сейчас за вами будет послан экипаж. Вы привезете дочку – и чтобы ни-ни! Поняли? Идите!

Шарлемань уходит.

Ну, все идет как по маслу.

Генрих. Что докладывал тюремщик?

Бургомистр. На небе ни облачка.

Генрих. А буква «Л»?

Бургомистр. Ах, мало ли букв писали они на стенках при драконе? Пусть пишут. Это им все-таки утешительно, а нам не вредит. Посмотри-ка, свободно это кресло?

Генрих. Ах, папа! *(Ощупывает кресло.)* Никого тут нет. Садись.

Бургомистр. Пожалуйста, не улыбайся. В своей шапке-невидимке он может пробраться всюду.

Генрих. Папа, ты не знаешь этого человека. Он до самого темени набит предрассудками. Из рыцарской вежливости, перед тем как войти в дом, он снимет свою шапку – и стража схватит его.

Бургомистр. За год характер у него мог испортиться. *(Садится.)* Ну, сынок, ну, мой крошечный, а теперь поговорим о наших делишках. За тобой должок, мое солнышко!

Генрих. Какой, папочка?

Бургомистр. Ты подкупил трех моих лакеев, чтобы они следили за мной, читали мои бумаги и так далее. Верно?

Генрих. Ну что ты, папочка!

Бургомистр. погоди, сынок, не перебивай. Я прибавил им пятьсот талеров из личных своих средств, чтобы они передавали тебе только то, что я разрешу. Следовательно, ты должен мне пятьсот талеров, мальчугашка.

Генрих. Нет, папа. Узнав об этом, я прибавил им шестьсот.

Бургомистр. А я, догадавшись, – тысячу, поросенок! Следовательно, сальдо получается в мою пользу. И не прибавляй им, голубчик, больше. Они на таких окладах разъелись, развратились, одичали. Того и гляди, начнут на своих бросаться. Дальше. Необходимо будет распутать личного моего секретаря. Беднягу пришлось отправить в психиатрическую лечебницу.

Генрих. Неужели? Почему?

Бургомистр. Да мы с тобой подкупали и перекупали его столько раз в день, что он теперь никак не может сообразить, кому служит. Доносит мне на меня же. Интригует сам против себя, чтобы захватить собственное свое место. Парень честный, старательный, жалко смотреть, как он мучается. Зайдем к нему завтра в лечебницу и установим, на кого он работает, в конце концов. Ах ты, мой сыночек! Ах ты, мой славненький! На папино место ему захотелось.

Генрих. Ну что ты, папа!

Бургомистр. Ничего, мой малюсенький! Ничего. Дело житейское. Знаешь, что я хочу тебе предложить? Давай следить друг за другом попросту, по родственному, как отец с сыном, безо всяких там посторонних. Денег сэкономим сколько!

Генрих. Ах, папа, ну что такое деньги!

Бургомистр. И в самом деле. Умрешь – с собой не возьмешь...

Стук копыт и звон колокольчиков.

(Бросается к окну.) Приехала! Приехала наша красавица! Карета какая! Чудо! Украшена драконовой чешуей! А сама Эльза! Чудо из чудес. Вся в бархате. Нет, все-таки власть – вещь ничего себе... *(Шепотом.)* Допроси ее!

Генрих. Кого?

Бургомистр. Эльзу. Она так молчалива в последние дни. Не знает ли она, где этот... *(оглядывается)* Ланцелот. Допроси осторожно. А я послушаю тут за портьерой. *(Скрывается.)*

Входят Эльза и Шарлемань.

Генрих. Эльза, приветствую тебя. Ты хорошеешь с каждым днем – это очень мило с твоей стороны. Президент переодевается. Он попросил принести свои извинения. Садись в это кресло, Эльза. *(Усаживает ее спиной к портьеру, за которой скрывается бургомистр.)* А вы подождите в прихожей, Шарлемань.

Шарлемань уходит с поклоном.

Эльза, я рад, что президент натягивает на себя свои парадные украшения. Мне давно хочется поговорить с тобою наедине, по-дружески, с открытой душой. Почему ты все молчишь? А? Ты не хочешь отвечать? Я ведь по-своему привязан к тебе. Поговори со мной.

Эльза. О чем?

Генрих. О чем хочешь.

Эльза. Я не знаю... Я ничего не хочу.

Генрих. Не может быть. Ведь сегодня твоя свадьба... Ах, Эльза... Опять мне приходится уступать тебя. Но победитель дракона есть победитель. Я циник, я насмешник, но перед ним и я преклоняюсь. Ты не слушаешь меня?

Эльза. Нет.

Генрих. Ах, Эльза... Неужели я стал совсем чужим тебе? А ведь мы так дружили в детстве. Помнишь, как ты болела корью, а я бегал к тебе под окна, пока не заболел сам. И ты навещала меня и плакала, что я такой тихий и кроткий. Помнишь?

Эльза. Да.

Генрих. Неужели дети, которые так дружили, вдруг умерли? Неужели в тебе и во мне ничего от них не осталось? Давай поговорим, как в былые времена, как брат с сестрой.

Эльза. Ну хорошо, давай поговорим.

Бургомистр выглядывает из-за портьеры и бесшумно аплодирует Генриху.
Ты хочешь знать, почему я все время молчу?

Бургомистр кивает головой.

Потому что я боюсь.

Генрих. Кого?

Эльза. Людей.

Генрих. Вот как? Укажи, каких именно людей ты боишься. Мы их заточим в темницу, и тебе сразу станет легче.

Бургомистр достает записную книжку.

Ну, называй имена.

Эльза. Нет, Генрих, это не поможет.

Генрих. Поможет, уверяю тебя. Я это испытал на опыте. И сон делается лучше, и аппетит, и настроение.

Эльза. Видишь ли... Я не знаю, как тебе объяснить... Я боюсь всех людей.

Генрих. Ах, вот что... Понимаю. Очень хорошо понимаю. Все люди, и я в том числе, кажутся тебе жестокими. Верно? Ты, может быть, не поверишь мне, но... но я сам их боюсь. Я боюсь отца.

Бургомистр недоумевающе разводит руками.

Боюсь верных наших слуг. И я притворяюсь жестоким, чтобы они боялись меня. Ах, все мы запутались в своей собственной паутине. Говори, говори еще, я слушаю.

Бургомистр понимающе кивает.

Эльза. Ну что же я еще могу сказать тебе... Сначала я сердилась, потом горевала, потом все мне стало безразлично. Я теперь так послушна, как никогда не была. Со мною можно делать все что угодно.

Бургомистр хихикает громко. Испуганно прячется за портьеру. Эльза оглядывается.

Кто это?

Генрих. Не обращай внимания. Там готовятся к свадебному пиршеству. Бедная моя, дорогая сестренка. Как жалко, что исчез, бесследно исчез Ланцелот. Я только теперь понял его. Это удивительный человек. Мы все виноваты перед ним. Неужели нет надежды, что он вернется?

Бургомистр опять вылез из-за портьеры. Он – весь внимание.

Эльза. Он... Он не вернется.

Генрих. Не надо так думать. Мне почему-то кажется, что мы еще увидим его.

Эльза. Нет.

Генрих. Поверь мне!

Эльза. Мне приятно, когда ты говоришь это, но... Нас никто не слышит?

Бургомистр приседает за спинкой кресла.

Генрих. Конечно, никто, дорогая. Сегодня праздник. Все шпионы отдыхают.

Эльза. Видишь ли... Я знаю, что с Ланцелотом.

Генрих. Не надо, не говори, если тебе это мучительно.

Бургомистр грозит ему кулаком.

Эльза. Нет, я так долго молчала, что сейчас мне хочется рассказать тебе все. Мне казалось, что никто, кроме меня, не поймет, как это грустно, – уж в таком городе я родилась. Но ты так внимательно слушаешь меня сегодня... Словом... Ровно год назад, когда кончился бой, кот побежал на дворцовую площадь. И он увидел: белый-белый как смерть Ланцелот стоит возле мертвых голов дракона. Он опирался на меч и улыбался, чтобы не огорчить кота. Кот

бросился ко мне позвать меня на помощь. Но стража так старательно охраняла меня, что муха не могла пролететь в дом. Они прогнали кота.

Генрих. Грубые солдаты!

Эльза. Тогда он позвал знакомого своего осла. Уложив раненого ему на спину, он вывел осла глухими закоулками прочь из нашего города.

Генрих. Но почему?

Эльза. Ах, Ланцелот был так слаб, что люди могли бы убить его. И вот они отправились по тропинке в горы. Кот сидел возле раненого и слушал, как бьется его сердце.

Генрих. Оно билось, надеюсь?

Эльза. Да, но только все глуше и глуше. И вот кот крикнул: «Стой!» И осел остановился. Уже наступила ночь. Они взобрались высоко-высоко в горы, и вокруг было так тихо, так холодно. «Поворачивай домой! – сказал кот. – Теперь люди не обидят его. Пусть Эльза простится с ним, а потом мы его похороним».

Генрих. Он умер, бедный!

Эльза. Умер, Генрих. Упрямый ослик сказал: поворачивать не согласен. И пошел дальше. А кот вернулся – ведь он так привязан к дому. Он вернулся, рассказал мне все, и теперь я никого не жду. Все кончено.

Бургомистр. Ура! Все кончено! *(Пляшет, носится по комнате.)* Все кончено! Я – полный владыка над всеми! Теперь уж совсем некого бояться. Спасибо, Эльза! Вот это праздник! Кто осмелится сказать теперь, что это не я убил дракона? Ну, кто?

Эльза. Он подслушивал?

Генрих. Конечно.

Эльза. И ты знал это?

Генрих. Ах, Эльза, не изображай наивную девочку. Ты сегодня, слава богу, замуж выходишь!

Эльза. Папа! Папа!

Вбегает Шарлемань.

Шарлемань. Что с тобою, моя маленькая? *(Хочет обнять ее.)*

Бургомистр. Руки по швам! Стойте навытяжку перед моей невестой!

Шарлемань *(вытянувшись)*. Не надо, успокойся. Не плачь. Что ж поделаешь? Тут уж ничего не поделаешь. Что ж тут поделаешь?

Гремит музыка.

Бургомистр *(подбегает к окну)*. Как славно! Как уютно! Гости приехали на свадьбу. Лошади в лентах! На оглоблях фонарики! Как прекрасно жить на свете и знать, что никакой дурак не может помешать этому. Улыбайся же, Эльза. Секунда в секунду в назначенный срок сам президент вольного города заключит тебя в свои объятия.

Двери широко распахиваются.

Добро пожаловать, добро

пожаловать, дорогие гости.

Входят гости. Проходят парами мимо Эльзы и бургомистра. Говорят чинно, почти шепотом.

1-й горожанин. Поздравляем жениха и невесту. Все так радуются.

2-й горожанин. Дома украшены фонариками.

1-й горожанин. На улице светло как днем!

2-й горожанин. Все винные погреба полны народу.

Мальчик. Все дерутся и ругаются.

Гости. Тссс!

Садовник. Позвольте поднести вам колокольчики. Правда, они звенят немного печально, но это ничего. Утром они завянут и успокоятся.

1-я подруга Эльзы. Эльза, милая, постарайся быть веселой. А то я заплачу и испорчу ресницы, которые так удались мне сегодня.

2-я подруга. Ведь он все-таки лучше, чем дракон... У него есть руки, ноги, а чешуи нету. Ведь все-таки он хоть и президент, а человек. Завтра ты нам все расскажешь. Это будет так интересно!

3-я подруга. Ты сможешь делать людям так много добра! Вот, например, ты можешь попросить жениха, чтобы он уволил начальника моего папы. Тогда папа займет его место, будет получать вдвое больше жалованья, и мы будем так счастливы.

Бургомистр (*считает вполголоса гостей*). Раз, два, три, четыре. (*Потом приборы.*) Раз, два, три... Так... Один гость как будто лишний... Ах, да это мальчик... Ну-ну, не реви. Ты будешь есть из одной тарелки с мамой. Все в сборе. Господа, прошу за стол. Мы быстро и скромно совершим обряд бракосочетания, а потом приступим к свадебному пиру. Я достал рыбу, которая создана для того, чтобы ее ели. Она смеется от радости, когда ее варят, и сама сообщает повару, когда готова. А вот индюшка, начиненная собственными индюшатами. Это так уютно, так семейственно. А вот поросята, которые не только откармливались, но и

воспитывались специально для нашего стола. Они умеют служить и подавать лапку, несмотря на то, что они зажарены. Не визжи, мальчик, это совсем не страшно, а потешно. А вот вина, такие старые, что впали в детство и прыгают, как маленькие, в своих бутылках. А вот водка, очищенная до того, что графин кажется пустым. Позвольте, да он и в самом деле пустой. Это подлецы лакеи очистили его. Но это ничего, в буфете еще много графинов. Как приятно быть

богатым, господа! Все уселись? Отлично. Пойдите-пойдите, не надо есть, сейчас мы обвенчаемся. Одну минутку! Эльза! Дай лапку!

Эльза протягивает руку Бургомистру.

Плутовка! Шалунья! Какая теплая лапка! Мордочку выше! Улыбайся! Все готово, Генрих?

Генрих. Так точно, господин президент.

Бургомистр. Делай.

Генрих. Я плохой оратор, господа, и боюсь, что буду говорить несколько сумбурно. Год назад самоуверенный проходимец вызвал на бой проклятого дракона. Специальная комиссия, созданная городским самоуправлением, установила следующее: покойный наглец только раздражил покойное чудовище, неопасно ранив его. Тогда бывший наш бургомистр, а ныне президент вольного города, героически бросился на дракона и убил его уже окончательно, совершив различные чудеса храбрости.

Аплодисменты.

Чертополох гнусного рабства был с корнем вырван из почвы нашей общественной нивы.

Аплодисменты.

Благодарный город постановил следующее: если мы проклятому чудовищу отдавали лучших наших девушек, то неужели мы откажем в этом простом и естественном праве нашему дорогому избавителю!

Аплодисменты.

Итак, чтобы подчеркнуть величие президента, с одной стороны, и послушание и преданность города, с другой стороны, я как бургомистр совершу сейчас обряд бракосочетания. Орган, свадебный гимн!

Гремит орган.

Писцы! Откройте книгу записей счастливых событий.

Входят писцы с огромными автоматическими перьями в руках.

Четыреста лет в эту книгу записывали имена бедных девушек, обреченных дракону. Четыреста страниц заполнены. И впервые на четыреста первой мы впишем имя счастливцы, которую возьмет в жены храбрец, уничтоживший чудовище.

Аплодисменты.

Жених, отвечай мне по чистой совести. Согласен ли ты взять в жены эту девушку?

Бургомистр. Для блага родного города я способен на все.

Аплодисменты.

Генрих. Записывайте, писцы! Осторожнее! Поставишь кляксу – заставлю слизать языком! Так! Ну вот и все. Ах, виноват! Осталась еще одна пустая формальность. Невеста! Ты, конечно, согласна стать женою господина президента вольного города?

Пауза.

Ну, отвечай-ка, девушка, согласна ли ты...

Эльза. Нет.

Генрих. Ну вот и хорошо. Пишите, писцы, – она согласна.

Эльза. Не смейте писать!

Писцы отшатываются.

Генрих. Эльза, не мешай нам работать.

Бургомистр. Но, дорогой мой, она вовсе и не мешает. Если девушка говорит «нет», это значит «да». Пишите, писцы!

Эльза. Нет! Я вырву этот лист из книги и растопчу его!

Бургомистр. Прелестные девичьи колебания, слезы, грезы, то-се. Каждая девушка плачет на свой лад перед свадьбой, а потом бывает вполне удовлетворена. Мы сейчас подержим ее за ручки и сделаем все, что надо. Писцы...

Эльза. Дайте мне сказать хоть одно слово! Пожалуйста!

Генрих. Эльза!

Бургомистр. Не кричи, сынок. Все идет как полагается. Невеста просит слова. Дадим ей слово и на этом закончим официальную часть. Ничего, ничего, пусть – здесь все свои.

Эльза. Друзья мои, друзья! Зачем вы убиваете меня? Это страшно, как во сне. Когда разбойник занес над тобою нож, ты еще можешь спастись. Разбойника убьют, или ты ускользнешь от него... Ну а если нож разбойника вдруг сам бросится на тебя? И веревка его поползет к тебе, как змея, чтобы связать по рукам и ногам? Если даже занавеска с окна его, тихая занавесочка, вдруг тоже бросится на тебя, чтобы заткнуть тебе рот? Что вы все скажете тогда? Я думала, что все вы только послушны дракону, как нож послушен разбойнику. А вы, друзья мои, тоже, оказывается, разбойники! Я не виню вас, вы сами этого не замечаете, но я умоляю вас – опомнитесь! Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Тогда превратился он на этот раз во множество людей, и вот они убивают меня. Не убивайте меня! Очнитесь! Боже мой, какая тоска... Разорвите паутину, в которой вы все запутались. Неужели никто не вступится за меня?

Мальчик. Я бы вступился, но мама держит меня за руки.

Бургомистр. Ну вот и все. Невеста закончила свое выступление. Жизнь идет по-прежнему, как ни в чем не бывало.

Мальчик. Мама!

Бургомистр. Молчи, мой маленький. Будем веселиться как ни в чем не бывало. Довольно этой канцелярщины, Генрих,

напишите там: «Брак считается совершившимся» – и давайте кушать. Ужасно кушать хочется.

Генрих. Пишите, писцы: брак считается совершившимся. Ну, живее! Задумались?

Писцы берутся за перья. Громкий стук в дверь. Писцы отшатываются.

Бургомистр. Кто там?

Молчание.

Эй вы там! Кто бы вы ни были, завтра, завтра, в приемные часы, через секретаря. Мне некогда! Я тут женюсь!

Снова стук.

Не открывать дверей! Пишите, писцы!

Дверь распахивается сама собой. За дверью – никого.

Генрих, ко мне! Что это значит?

Генрих. Ах, папа, обычная история. Невинные жалобы нашей девицы растревожили всех этих наивных обитателей рек, лесов, озер. Домовой прибежал с чердака, водяной вылез из колодца... Ну и пусть себе... Что они нам могут сделать? Они так же невидимы и бессильны, как так называемая совесть и тому подобное. Ну приснится нам три-четыре страшных сна – и все тут.

Бургомистр. Нет, это он!

Генрих. Кто?

Бургомистр. Ланцелот. Он в шапке-невидимке. Он стоит возле. Он слушает, что мы говорим. И его меч висит над моей головой.

Генрих. Дорогой папаша! Если вы не придете в себя, то я возьму власть в свои руки.

Бургомистр. Музыка! Играй! Дорогие гости! Простите эту невольную заминку, но я так боюсь сквозняков. Сквозняк открыл двери – и все тут. Эльза, успокойся, крошка! Я объявляю брак состоявшимся с последующим утверждением. Что это? Кто там бежит?

Вбегает перепуганный лакей.

Лакей. Берите обратно! Берите обратно!

Бургомистр. Что брать обратно?

Лакей. Берите обратно ваши проклятые деньги! Я больше не служу у вас!

Бургомистр. Почему?

Лакей. Он убьет меня за все мои подлости. *(Убегает.)*

Бургомистр. Кто убьет его? А? Генрих?

Вбегает второй лакей.

2-й лакей. Он уже идет по коридору! Я поклонился ему в пояс, а он мне не ответил! Он теперь и не глядит на людей. Ох, будет нам за все! Ох, будет! *(Убегает.)*

Бургомистр. Генрих!

Генрих. Держитесь как ни в чем не бывало. Что бы ни случилось. Это спасет нас.

Появляется **третий лакей**, пятясь задом. Кричит в пространство.

3-й лакей. Я докажу! Моя жена может подтвердить! Я всегда осуждал ихнее поведение! Я брал с них деньги только на нервной почве. Я свидетельство принесу! (Исчезает.)

Бургомистр. Смотри!

Генрих. Как ни в чем не бывало! Ради бога, как ни в чем не бывало!

Входит Ланцелот.

Бургомистр. А, здравствуйте, вот кого не ждали. Но тем не менее – добро пожаловать. Приборов не хватает... но ничего. Вы будете есть из глубокой тарелки, а я из мелкой. Я бы приказал принести, но лакеи, дурачки, разбежались... А мы тут венчаемся, так сказать, хе-хе-хе, дело, так сказать, наше личное, интимное. Так уютно... Знакомьтесь, пожалуйста. Где же гости? Ах, они уронили что-то и ищут это под столом. Вот сын мой, Генрих. Вы, кажется, встречались. Он такой молодой, а уже бургомистр. Сильно выдвинулся после того как я... после того как мы... Ну, словом, после того как дракон был убит. Что же вы? Входите, пожалуйста.

Генрих. Почему вы молчите?

Бургомистр. И в самом деле, что же вы? Как доехали? Что слышно? Не хотите ли отдохнуть с дороги? Стража вас проводит.

Ланцелот. Здравствуй, Эльза!

Эльза. Ланцелот! (Подбегает к нему.) Сядь, пожалуйста, сядь. Это в самом деле ты?

Ланцелот. Да, Эльза.

Эльза. И руки у тебя теплые. И волосы чуть подросли, пока мы не виделись. Или мне это кажется? А плащ все тот же. Ланцелот! (Усаживает его за

маленький стол, стоящий в центре.) Выпей вина. Или нет, ничего не бери у них. Ты отдохни, и мы уйдем. Папа! Он пришел, папа! Совсем как в тот вечер. Как раз тогда, когда мы с тобой опять думали, что нам только одно и осталось – взять да умереть тихонько. Ланцелот!

Ланцелот. Значит, ты меня любишь по-прежнему?

Эльза. Папа, слышишь? Мы столько раз мечтали, что он войдет и спросит:

Эльза, ты меня любишь по-прежнему? А я отвечу: да, Ланцелот! А потом спрошу: где ты был так долго?

Ланцелот. Далеко-далеко, в Черных горах.

Эльза. Ты сильно болел?

Ланцелот. Да, Эльза. Ведь быть смертельно раненным – это очень, очень опасно.

Эльза. Кто ухаживал за тобой?

Ланцелот. Жена одного дровосека. Добрая, милая женщина. Только она обижалась, что я в бреду все время называл ее – Эльза.

Эльза. Значит, и ты без меня тосковал?

Ланцелот. Тосковал.

Эльза. А я как убивалась! Меня мучили тут.

Бургомистр. Кто? Не может быть! Почему же вы не пожаловались нам! Мы приняли бы меры!

Ланцелот. Я знаю все, Эльза.

Эльза. Знаешь?

Ланцелот. Да.

Эльза. Откуда?

Ланцелот. В Черных горах, недалеко от хижины дровосека, есть огромная пещера. И в пещере этой лежит книга, жалобная книга, исписанная почти до конца. К ней никто не прикасается, но страница за страницей прибавляется к написанным прежним, прибавляется каждый день. Кто пишет? Мир! Записаны, записаны все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно.

Генрих и бургомистр на цыпочках направляются к двери.

Эльза. И ты прочел там о нас?

Ланцелот. Да, Эльза. Эй вы там! Убийцы! Ни с места!

Бургомистр. Ну почему же так резко?

Ланцелот. Потому что я не тот, что год назад. Я освободил вас – а вы что сделали?

Бургомистр. Ах, боже мой! Если мною недовольны, я уйду в отставку.

Ланцелот. Никуда вы не уйдете!

Генрих. Совершенно правильно. Как он тут без вас вел себя – это уму непостижимо. Я могу вам представить полный список его преступлений, которые еще не попали в жалобную книгу, а только намечены к исполнению.

Ланцелот. Замолчи!

Генрих. Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили.

Ланцелот. Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?

Генрих. Уйдем, папа. Он ругается.

Ланцелот. Нет, ты не уйдешь. Я уже месяц как вернулся, Эльза.

Эльза. И не зашел ко мне!

Ланцелот. Зашел, но в шапке-невидимке, рано утром. Я тихо поцеловал тебя, так, чтобы ты не проснулась. И пошел бродить по городу. Страшную жизнь увидел я. Читать было тяжело, а своими глазами увидеть – еще хуже. Эй вы, Миллер!

Первый горожанин поднимается из-под стола.

Я видел, как вы плакали от восторга, когда кричали бургомистру: «Слава тебе, победитель дракона!»

1-й горожанин. Это верно. Плакал. Но я не притворялся, господин Ланцелот.

Ланцелот. Но ведь вы знали, что дракона убил не он.

1-й горожанин. Дома знал... а на параде... (*Разводит руками.*)

Ланцелот. Садовник!

Садовник поднимается из-под стола.

Вы учили львиный зев кричать: «Ура президенту!»?

Садовник. Учил.

Ланцелот. И научили?

Садовник. Да. Только, покричав, львиный зев каждый раз показывал мне язык. Я думал, что добуду деньги на новые опыты... но...

Ланцелот. Фридрихсен!

Второй горожанин вылезает из-под стола.

Бургомистр, рассердившись на вас, посадил вашего единственного сына в подземелье?

2-й горожанин. Да. Мальчик и так все кашляет, а в подземелье сырость!

Ланцелот. И вы подарили после того бургомистру трубку с надписью «Твой навеки»?

2-й горожанин. А как еще я мог смягчить его сердце?

Ланцелот. Что мне делать с вами?

Бургомистр. Плунуть на них. Эта работа не для вас. Мы с Генрихом прекрасно управимся с ними. Это будет лучшее наказание для этих людишек. Берите под руку Эльзу и оставьте нас жить по-своему. Это будет так гуманно, так демократично.

Ланцелот. Не могу. Войдите, друзья!

Входят ткачи, кузнец, шляпочных и шапочных дел мастер, музыкальных дел мастер.

И вы меня очень огорчили. Я думал, вы справитесь с ними без меня. Почему вы послушались и пошли в тюрьму? Ведь вас так много!

Ткачи. Они не дали нам опомниться.

Ланцелот. Возьмите этих людей. Бургомистра и президента.

Ткачи (*берут бургомистра и президента.*) Идем!

Кузнец. Я сам проверил решетки. Крепкие. Идем!

Шапочных дел мастер. Вот вам дурацкие колпаки! Я делал прекрасные шляпы, но вы в тюрьме ожесточили меня. Идем!

Музыкальных дел мастер. Я в своей камере вылепил скрипку из черного хлеба и сплел из паутины струны. Невесело играет моя скрипка и тихо, но вы сами в этом виноваты. Идите под нашу музыку туда, откуда нет возврата.

Генрих. Но это ерунда, это неправильно, так не бывает. Бродяга, нищий, непрактичный человек – и вдруг...

Ткачи. Идем!

Бургомистр. Я протестую, это негуманно!

Ткачи. Идем!

Мрачная, простая, едва слышная музыка. Генриха и бургомистра уводят.

Ланцелот. Эльза, я не тот, что был прежде. Видишь?

Эльза. Да. Но я люблю тебя еще больше.

Ланцелот. Нам нельзя будет уйти...

Эльза. Ничего. Ведь и дома бывает очень весело.

Ланцелот. Работа предстоит мелкая. Хуже вышивания. В каждом из них придется убить дракона.

Мальчик. А нам будет больно?

Ланцелот. Тебе нет.

1-й горожанин. А нам?

Ланцелот. С вами придется повозиться.

Садовник. Но будьте терпеливы, господин Ланцелот. Умоляю вас – будьте терпеливы. Прививайте. Разводите костры – тепло помогает росту. Сорную траву удаляйте осторожно, чтобы не повредить здоровые корни. Ведь если вдуматься, то люди, в сущности, тоже, может быть, пожалуй, со всеми оговорками, заслуживают тщательного ухода.

1-я подруга. И пусть сегодня свадьба все-таки состоится.

2-я подруга. Потому что от радости люди тоже хорошеют.

Ланцелот. Верно! Эй, музыка!

Гремит музыка.

Эльза, дай руку. Я люблю всех вас, друзья мои. Иначе чего бы ради я стал возиться с вами. А если уж люблю, то все будет прелестно. И все мы после долгих забот и мучений будем счастливы, очень счастливы наконец!

Занавес

1943